

ВОЗДУХ СВОБОДЫ

Свобода - главный дар природы.

Леонардо да Винчи

«У политика нет сердца, а есть только голова».

Крылатая наполеоновская мысль!

Но, читая рукопись новой книги политика Александра Мороза, пятикратного народного избранника, Головы Верховной Рады Украины двух созывов, лидера Социалистической партии Украины, невольно задумываюсь: а во всём ли в своём утверждении прав гениальный француз?

Знаю не понаслышке: среди нынешнего политического бомонда другого политика, равнозначного А. Морозу, нет.

Но как быть с **сердцем** - символом переживаний, чувств, настроений человека. Ведь речь пойдёт не только о политике, но и о поэте. У С. И. Ожегова: **«У него нет сердца** (о злом, чёрством человеке)». Наполеону, возможно, подобное понятие и было по нраву, моему автору - другое:

А хорошие сердца болят чаще:

За себя и за других они болят.

Роберт Рождественский

Настоящего поэта как раз и отличает духовность. Это когда его ум проходит через сердце, вызывая в родственных читательских душах сочувствие, сопереживание, соучастие.

И я окунаюсь с головой в поэтический мир автора сборника «Рассудит время...». Главное - вчитаться, всмотреться и даже вслушаться в стихи.

Почувствуй сердцебиение стиха - и ты увидишь игривую зелень, лоскуты ландышей, разведчиков тепла - майские грибы, цветущую сирень, и порыжевшую сосну, которая *«горит, тревожа Кончу»*, и чужеземную секвойю, сумевшую сквозь камни добраться до воды, и пламенеющие над заборами вишни, и слегка заросший тиной пруд, и красный куст бересклета, и море дивных хризантем; и неубранную калину, и забытую куклу на любимой скамейке в саду, где *«Всё больше покрываются дорожки// Всё реже убираемым снежком»*. И как в море, удаляясь, тает парус; и как бабье лето *«паутинками уносит вёсен миражи»*.

Услышишь бунтующих стрижей, трели Соловьёв, звоны синиц, отзывы перепелов.

Почувствуешь, как пахнет степь близ Буга и Ингула.

Казалось бы, радуйся, живи и люби!

По-моему, и сам поэт гордится тем, что он стал человеком, *«для которого БЫТЬ означает любить»*.

«Заражённый до Адама вечным вирусом любви», он и сегодня готов, как в юности, идти вослед за уехавшей возлюбленной *«по охладевшим за ночь шпалам»*, рад *«купаться в распущенных косах»* её. Любимая женщина для него - *«...род того искусства,//Которое вовек познать нельзя»*.

Любовь окрыляет. Душа рвётся ввысь! В его поэзии вплетаются и библейские мотивы, и «Слово о полку Игореве», и отголоски стихов А. Пушкина, А. Грибоедова, Т. Шевченко и других поэтов. Порой строки звучат, как афоризмы:

Есть пора, когда буйствует лето,

Есть другая, когда всё плачет.

Счастье ликует, а ревность рыдает.

И нет печальнее дороги,

*Труднее, чем дорога вниз.
Когда народ излечивают ложью,
То, значит, он покуда - не народ.*

Внутренний мир поэта наполнен музыкой. В образном ряду - скрипка, фортепиано, баян, рояль, гитара. И песни: «Широка страна моя родная», «Реве та стогне Дніпр широкий», «Червона рута», «Соловьи»...

О песнях поэт пишет с особой гордостью:

*Друзья, бывало, предавали,
И только песни никогда.*

Но (на своей, а не чужой пока земле) ... вымирает село Одая. Но «...вор в стране моей - хозяин!», где *Избранным - приз. Избирателям - шиш*».

И поэт-политик не может любить Родину с закрытыми глазами. Вероятно, здесь - корни горького признания:

«...некому и нечему служить».

Память тянет в прошлое, где «...жить вместе было под ям легче», «...где живы все ещё, кого// Мне так сегодня не хватает». Он, будучи человеком от земли, помнит, как «*И ведро стояло у колодца...// И наслась корова у обочины*».

Кто-то из «умников» не преминёт съязвить: мол, всё меняется «...не меняются только дураки и покойники...» и не ведая, что у Лоуэлла фраза на этом не заканчивается, а имеет гениальное продолжение: «...и некоторые порядочные люди, которых с каждым днём становится и «все меньше и меньше». К великому сожалению.

Очень символичен образ вдовы, пришедшей на свидание обелиском. Автор не может и не хочет забывать, какой ценой досталась Великая Победа.

Всё познаётся в сравнении. В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Украины было преднамеренно истреблено около 3 млн. человек, а в мирное время за годы независимости нас стало меньше почти что на 8 миллионов. Пока...

Поэт убеждает, что жить в страхе - гнусно. Надо «*В борьбе к высокому стремиться// Во имя пламенных идей*». И каждому беречь совесть - самое правдивое зеркало.

Сам же со злом он боролся и борется всегда, не жалея себя. Были победы и ошибки. Не всегда верно разбирался в людях. Отсюда и горькое признание: «*Сколько ложные дружбы принесли мне седин!*», и выстраданное прозрение: «*Ранят враги. Добивают свои.*», и социальный диагноз:

*Была б державою держава,
И люди были бы людьми.*

Приходят и часы одиночества. Но поэт, по утверждению Михаила Светлова, - он всегда один в поле воин.

В конце сборника автор балладой об отце как бы воскрешает для нас его, везущего на санках поутру из дому уголь, чтобы спасти от стужи родную сестру. А нам бы - Украину!

«*Мир на правде стоит*», а каким он будет - зависит от нас, «*беспредельных, самих*», убеждён Александр Мороз.

И в этом - суть его политики, у которой есть не только голова, но и сердце, и его стихов, наполненных предчувствием добра и воздухом свободы.

Владимир ЧЕРЕПКОВ, поэт, член Национального
Союза писателей Украины, лауреат международных
и национальных литературно-художественных премий,
народный депутат Украины двух созывов.

Будь собой

Землянам

Мы все виноваты в причинах тревоги:
Дары приносящий, дающий дары,
Кто искренно верует в Господа Бога
И тот, кто не вспомнит о нём до поры.

Нет полностью правых и правых немножко.
На всех одна правда и общее зло.
Но это усвоить - одним невозможно.
Другим - из-за этого жить тяжело.

Мы так далеко от причала отплыли,
Что разницы нет у народов и рас.
По ком мы скорбили? Кого оскорбили?
И примет ли твердь оскорблённая нас?

Мы - малость ничтожная в общей природе,
Но мы для неё - наваждение, тать.
Мы не самородки. Мы - больше порода,
Способная тратить, транжирить, хватать.

Дрейфуя до истины прежней дорогой,
Которая может закончиться вмиг,
Поймём ли мы все, что причина тревоги
Исходит от нас, беспредельных, самих?

Мир на правде стоит *А. Дементьеву*

Вдруг припомнился друг, за пределы ушедший иные.
А за окнами март. На глазах оживает вода...
Мы из детства пришли, из того, что не верится ныне.
Мы на правде росли, от войны отмеряя года.
На родстве нищеты, на богатстве оправданной веры
В то, что нет высоты, о которой не стоит мечтать.
Заблужденья свои не считаю безмерной потерей –
Мир на правде стоит!
Так считаю и буду считать.
Почему же наивность, что в друге моём воплотилась,
Отозвались как глас вопиющих из вечных пустынь?
Потому ли что мир, на который мы в детстве
молились,
Так же беден и сер, и от наглой неправды постыл?
И не знаю, как быть. Я не верю в приметы, в гаданья,
Но забыть не могу о мечте в окружении зла!
Образ друга возник, как высокое напominанье
На вчера и на днесь.
И на завтра - без дня и числа.

Выборы

Как надоели народу кампании!
Пошлые зрелища - вовсе не хлеб.
Есть безразличие. Нет сострадания.
В душах от этого тягостный след.

Всеу высокое слово промолвлено -
Знать, обесценилось, сникло во лжи,
Как и призыв о служении Родине. ...
В ложь не поверив, другим подскази,
Чтоб подступающий к урне с надеждою,
Здесь не оставил её.
Промолчишь -
Будет, как водится, будет, как прежде:
Избранным - приз. Избирателям - шиш.

Ставки высокие. Средства сомнительны.
Снова в стране затяжные бои.
Есть и потери. Но нет победителей.
Ранят враги. Добивают свои.

Одая

Тихо молится каждая, дабы
Не последней в селе умереть
В. Черепков

Кусты с дворов бегут к дороге,
Но мимо них летят авто,
Боясь, наверно, чтоб тревоги
На плечи не легли крестом.

Здесь помнит всё, как жизнь кипела:
Звон песен, детских голосов.
Здесь вера и надежда пели
О красоте полей, лесов.

И счастье было недалече...
И был сородичем сосед.
Жить вместе было людям легче
По-совести, считай, как все,

Когда молить не надо Бога,
Чтоб не последним умереть.
...Есть к дому добрая дорога,
Но из дому хорошей - нет.

Эх, жить бы здесь да землю славить
За каждый день, за каждый миг!
...Была б державою держава,
И люди были бы людьми.

Природа - вечно молодая,
И грех, казалось бы, тужить...
Когда умрёт село Одая,
То нам зачем на свете жить?!

Как тяжело бывает на душе,
Когда предатель говорит о чести,
Когда подлец и лицемер известен
И знают все о том давно уже.
Но трижды тяжелей, что вопреки
Морали, истине, традициям и вере
Его не осуждают.
Чувства меры
Нет между: руку дать - не дать руки.
Сизифов труд - из грязи вынимать
Того, кто выбираться не желает,
Того, кто равнодушно принимает
В свой адрес извращённым слово «мать!»
Народ немой - известно наперёд,
А оттого и больно, и тревожно.
Когда народ излечивают ложью,
То, значит, он покуда - не народ.

Я душу свою нараспашку
Давно не привык выставлять,
По больно бывает и тяжко
Надежду на совесть терять.

На совесть у тех, кто толково,
Казалось, о вечном вещал,
Но Веру, и Верность, и Слово
Своей суетой замещал.

В копилку для опыта брошу
Надежду. Мол, знай и владей:
Так много людей есть... хороших,
Так мало надёжных людей...

Соратникам

Соратникам своим не слишком верь.
Они с тобой, покуда ты им нужен.
Чтоб меньше было боли от потерь,
Будь с ними ровен. Если сможешь - дружен.

И даже если пред лицом беды
Их станет меньше - ты не отступайся.

Неважно, что разрежены ряды,
Нижнее, кто в бою с тобой остался.
Важнее, кто в бою с тобой остался

* * *

Тяжело разочаровываться в людях.
В тех, кому ты раньше доверял.
И больнее ранят и, наверно, будут
Те, кому ты в жизни помогал.
Я в себе стремился вызвать перемены.
Сам внушал: от подлых отвернись!
Но прекрасно знал я: этим не изменишь
Ни себя. Ни их.
Ни нашу жизнь.

* * *

Настоящая жизнь совершается там,
где она незаметна.

Л. Толстой

Хотел вершин достичь - не смог.
Такому всяк бы не был рад.
Кумир поверженный - не Бог
И не для образа оклад.

Я через это сам прошёл.
Друзей расчётливых терял.
Хоть было мне нехорошо,
Себе не раз я повторял:

- Не суетись, не сожалей
И в дразги мелкие не влазь.
Не всяк из грязи будет князь.
И мир не весь погряз во зле...

Соперник вышел наперёд,
Он князь по званию. Пока...
А время ли ему придёт
Очистить грязные бока?

А потому удар держи!
Трудом создай искомый лик.
Всего важнее - просто жизнь.
Резон победы невелик.

Хоть ты и много пережил,
Что предназначено судьбой.
Трудись, покуда хватит сил.
И - будь собой! Самим собой.

Элегия

Я не успею всем помочь...
Я не сумею всё понять...
Я знаю, что наступит ночь
Длиннее прожитого дня.

Я помню песню за рекой
(Печали первый мой урок),
Как будто маминой рукой
Мне гладил кудри ветерок.

Я помню трепет юных губ
Под августовский звездопад.
И помню, как входило вглубь
Всё то, что не вернуть назад:

Ни смех детей, ни их возня,
Ни спор друзей наперебой...
Всё, что со временем узнал,
И было истинной судьбой.

Блажен, тоску кто гонит прочь,
Кто счастьем жизнь сумел принять.
...Я не успею всем помочь.
...Я не сумею всё понять.

Слова

Не оставляй меня в печали.
Мне не нужны твои слова.
Они нас раньше обвенчали,
А их мелодия жива.

Мне и без них хватает боли.
Её в сторонку не покласть.
К ней надо привыкать. Тем более,
Зачем она другим сдалась?

Я знаю, ты бы разделила
И муки, и печаль, и боль...
Но что-то и тебя смутило,
Стояло что-то за тобой?

Толпы наветы? Изначально
Её сомнительны права.
...Не оставляй меня в печали.
Излишни все сейчас слова.

* * *

Всё, что задумал, в дело воплоти,
Душевный труд, как всякий труд,
конкретен.

Не будет к цели лёгкого пути
Из-за хулы, наветов, зла и сплетен.
Не задавай вопросы о судьбе,
Когда в тревоге сердце
гулко бьётся.
Оставь свой след -
и память о тебе
Среди равнодушных отзовется.

Утро в Мадриде

Рассвело. В Мадриде воскресенье.
Только утром завтрашним отлёт.
Что ж меня тревожит и гнетёт
Па краю Европы предвесенней?

Всё обычно. Площадь отдыхает -
Нет пока туристской толчеи.
Все - земляне,
Кто, откуда, чьи –
Никого, видать, не занимает.

Короля дворец.
Его громада
Закрывает с площади обрыв.
Статуи. Булыжник - с той поры,
Что в картинах с выставки в дель Прадо.

Легкая прохлада. Абрикосы
Расцвели, как блёстки для Кармен.
У красавиц время пересмен –
Утро им прибытка не приносит.

...Вот причина: баянист играет.
Край скамейки.
Приоткрыт футляр...
От «Амурских волн» на тротуар
Каждый отблеск зайчиком слетает

Этот вальс играл мой дед, бывало.
Возвратись с войны японской, он
В той мелодии хранил, как давний сон,
Юности и Родины начало.

Душу рвёт. Экскурсия не в радость.
Взглядами по сторонам кося,
Ухожу я, в сердце унося
Музыку, летящую к ограде.

А вослед торопится иная ...
Невпопад, мелодии вразрез,
Без конца кружится на слезе:
«Широка страна моя родная ...»

Ответ

на вопрос Председателю Верховной Рады Украины из интервью с главным редактором журнала «Огонёк» Лошаком:

«Родилась ли у Вас, как у поэта, какая-нибудь строфа, которой Вы охарактеризовали бы эти кризисные для Украины месяцы и вал критики, обрушившийся лично на Вас?»

Ничто не ранит так, как слово.
Жаль не себя, а правды жаль.
Но разве ты не ждал такого,
Перед собой ответ держа

Перед собой, поскольку совесть
Лишь рудиментом - у «друзей».
Не бойся облачённой в слово
Лжи, если автор - фарисей.

Не отступись! Рассудит время,
И чём прав, а в чём не прав был ты.
Узнай за каждым словом бремя
И клеветы, и суеты.

Найди свои слова простые
О том, что гнусно жить за страх,
Что бледнолицые святые
Уличены в мирских грехах.

Порочен мир, где ложно судят,
Забыв, что истина свята,
Где даже места нет Иуде
Из-за отсутствия Христа
01.08.06

* * *

Я что-то чувствую такое,
В чём сам никак не разберусь:
Как будто радостное горе,
Как будто радужная грусть.
Как на лазурном небосводе
Грозы предчувствие
Болит,
Как узник чувствует
Свободу
За миллиметры
До петли.

*Арабские
этюды*

О ценности традиций

Всему свой час, всему своя пора.
Мы привыкаем к разностям... без драмы.
Чалма, накидка, чёрная чадра...
В стране, где есть традиции ислама,

Не удивляйся и не поучай,
В пустыне побывай, когда там ветер.
И всё поймёшь. Наденешь невзначай
Всё, что арабом из одежд надето.

Но знай и меру. Чудаку не верь,
Что к прошлому прикован вечно взглядом.
Не стоит нагишом ходить теперь,
На мамонта охотясь с голым задом.

* * *

Воздух свеж от волны,
Непрозрачен от пыли.
Сочетанием странным
Я сперва удивлён.
Здесь накидки черны.
Далеко до идиллий.
Здесь живут как везде,
Здесь судьба их и дом.
Всё же хочется знать,
В чём исток беспредела –
Ведь экватор, лучи,
Словно копья, длинны?
Почему мужики
Прикрываются белым,
А у женщин накидки,
Как уголь, черны?

* * *

Не то звезда на небе,
Не то огонь в пустыне.
Созвездия на чёрном
Притягивают взгляд.
Голодному - вид хлеба,
Паломнику - святыни
Таким же вождленным
Желанием горят.
Давай пойдём навстречу –
Нужна определённости.
А вдруг костёр?
Перечить
Не будет нам араб.

Есть равноудалённость
От истин бесконечных:
Небесное пространство
И человек - не раб.

Я в жизни той еще живу
(ассоциации)

-1-

Раздумчивость скрипки.
Piano.
Что мне от печали её?
Зачем меня в прошлое тянет?
В мелодии кто узнаёт
Не суру святого Корана,
Услышанную вчера,
А то, что пьянит непрестанно
И такие, как здесь, вечера?
Что сердце пронзила мне болью
Любви недоступной стрела.
Что, может быть, этой любовью
Ты все эти годы жила.

-2-

Арабка мне нальёт вина.
Оно кровянится в бокале...
Моя или твоя вина,
Что я сейчас не в этом зале.
Что вижу я в глазах твоих
Вопрос, который ждёт ответа.
Что где-то плачут соловьи,
Как той весной и ранним летом!
Опять по юности плыву...
Как бесконечно это чудо –
Переплетенье наших судеб!
Я в жизни той ещё живу.

-3-

Я в жизни той ещё живу,
Где ходят берегом туманы,
Где я от молодости пьяный...
И от любви такой желанной
Я умираю наяву...
И всё мне слышится ещё
Далёкой песни отголосок,
Как будто счастья кто-то просит.
Оно найдётся, нас не бросит.
И пусть тогда предъявит счёт
Судьба за то, что нам дала:
За муки те, что стали счастьем,
За счастье с мукой в равнчасьи.

Судьба...Такие вот дела...
Я в жизни той ещё живу.

-4-

Я не играю в две руки,
А так хотелось бы «в четыре».
Но что-то делается в мире,
Когда порхающе легки
Они колдуют и летят,
Пространство кружится и плачет,
И всё прощают, не судачат
О том, что время мчится вспять,
Туда, где чувствуется взлёт,
Туда - в чарующие звуки,
Где я целую ваши руки.
Где юность вечная живёт.

-5-

Ты для меня сыграй хоть раз.
Я слёзы спрячу незаметно.
Мне не нужны ничьи приветы,
Ни пересуды, ни советы...
Ты для меня сыграй хоть раз.
Я помню - словно был в кино,
На память что-то там Элизе
Она играла (не артистка),
А я в глаза смотрел так близко...
Я помню - словно был в кино...
Ты мне открой один секрет,
В чём колдовство простых мелодий,
Что так с ума (и сразу!) сводят,
И душу рвут, и колобродят?
Ты мне открой один секрет.
Ты для меня сыграй хоть раз
Я сам, наверное, отвечу:
Игрой моё ты сердце лечишь
И говоришь: «Ещё не вечер...»
Да жизнь, конечно, не кино.
«Иных уж нет, а те далече...»
Однако верю всё равно,
Что будет день -
и будут встречи.

-6-

Почему мою душу тревожит
Вдалеке от родной стороны
Тонкий голос прозрачной струны,
На молитву святую похожий?
Почему, когда скрипка рыдает,
Ноет сердце в истоме опять?

Ведь мне нечего больше желать,
Всё желанное было, я знаю.
Почему среди разных мелодий
Выделяется в памяти та,
Что казалась наивна, проста? –
Видно, отзвук знакомый находит.
Почему это кажется раем,
Вожделением? Сам не пойму. Почему?
Почему? Почему? Ты же знаешь,
но снова играешь...

Весенняя мелодия

В лесу не скрипка плачет неумело,
А дикий голубь голос подаёт.
С моей голубке днями напролёт
Он признаётся о любви несмело.

Весна, надежды наши не разбей.
Пусть слёзы появляются от счастья
И у людей, и диких голубей.
От счастья мир становится светлей.
Оно нигде и никому не застит.

Ты поведи мелодию над лесом
И на опушке ноту оброни.
Её любовь поднимет, сохранит
Для сказки с содержанием прелестным.

Для сказки той, что с нами остаётся,
Что нам на всю судьбу наделена,
О ней поёт родная сторона,
Что Родиною малою зовётся.

* * *

Я наземь падаю лицом,
Сжимая кулаки от злости.
Мы так неправильно живём,
Как будто в этой жизни - гости.
Мы сами виноваты в том,
Что от столицы до окраин
Окружены враньём, ворьём,
Что вор в стране моей - хозяин!
Что слово правды нам претит,
Очередного ждём мессию,
Который снова обвинит
Америку или Россию
Во всех надуманных грехах.
А грех - он в нашем равнодушии.
Когда с неправдою в ладах
То безразличье нас задушит!

* * *

Ведь не глупы мы. Знаем счёт,
Но не решим никак задачу:
Кто нас и п о ч е м у ведёт
От неудачи к неудаче?!
А ведь ответ совсем простой:
«...Не жди омріяної долі...»
Гони ворьё! Трави враньё!
Раб - кто в душе не жаждет воли!

Секвойя

На острове песчаном средь залива,
Где не за что и глазу зацепиться,
Стоит секвойя в зелени игристой,
Сумев сквозь камни до воды пробиться.

А может, это дерево - реклама,
Призыв, пример, которому учиться?
Тянув трубу по дну, взрывая камень,
Давал араб ей из трубы напиться,

Чтобы она своим зелёным флагом
Надежду возрождала в каждом взгляде,
Не опуская руки, шаг за шагом...
В труде успех! К нему стремиться надо.

И даже если этот труд напрасен,
И пот солёный зря съедает очи,
Не отпустить! Пример для тех прекрасен,
Кто жить по-человечески захочет.

Кто отстояв свои права и веру
В то, что по правде можно жить счастливо,
Другим напомнит.
Мне была примером
Секвойя на песке среди залива.

* * *

Хоть стемнело, не вдруг
Угасает жара.
Бесконечен наш круг –
Возвращаться пора.
Я намечу звезду,
По которой идти.
И тебя подожду,
Если нам по пути.
Нас опять позовёт
Дом, и край, и страна...
Наша Родина ждёт,
Если в сердце она

2-й славянский танец

Заиграй мне, Дворжак, танец –
Для печали повод жду.
На глаза минорный глянец,
На свои, не наведу.

Мне не больно. Мне не горько.
Просто - грусть вокруг одна.
Пусть не плачет скрипка только,
Говорит пускай она.

Заиграешь в сумрак хмурый,
И тогда я сам приду
И на тающие струны
Тихо сердце покладу.

Майские грибы

Остановка в степи

Так ночью пахнет степь близ Буга и Ингула!..
Обочина. Трава. Кустарник облепихи.
И лунный полусвет. И мир спокойный, тихий.
Тревожащее в нём, наверное, уснуло.

А может, и не спит. Здесь просто ночь колдует
Мозаикой картин. Проснувшихся. Внезапных.
Всеми причиной - тишь и этот дивный запах.
Его я узнавал в солдатском карауле.

Здесь время не летит. И в плен забрать столицу
От нашей суеты, от гонки обстоятельств
Степной простор готов. Он - вечности приятел
Её бессменный символ. И тайный. И безличны

Он шепчет: «Не спеши. Всеми есть время, мера.
И если позже чуть ты в суете утонешь,
Здесь неизменно всё. А ты чего-то стоишь,
Пока бесценен миг, в котором ночь и вера,

И даже тишина, что для тебя сомкнула
Всё то, что есть, что было и что будет.
И в этом есть особый смысл, как в жизни – чуде»
Как ночью пахнет степь близ Буга и Ингула

Осеннее настроение

Тетиву уносит ветер –
Самолёта белый след.
Задержалось бабье лето
На каких-то двадцать лет.

То ли прихоти погоды,
То ли мне не по себе.
Надломилось что-то вроде
И в природе, и в судьбе.

Хоть и сетовать негоже,
День - сплошная синева,
А ещё и праздник всё же –
Золотая Покрова

Опыт

Стал проще я смотреть на вещи.
И легче стало оттого,
Что подтвердилось: ярко блещет
То, что не стоит ничего.

И я, бывало, хоть нечасто
Хотел казаться, а не быть,

Боясь случайно в одночасье
В себе себя не загубить.

Ведь никогда за ширмой фальши
Не скроешь истины зерно:
Имеет вес одно оно.
...Понять бы сказанное раньше.

О песнях

...Что всё на свете - только песня
на украинском языке.

Л. Киселев

Всё возвращаются мне песни
Волною музыки и слов.
Мы с ними выростали вместе,
А в песнях тех жила любовь.
Судьбы рассветное начало
От всех волнений вдалеке...
Мне мама песни напевала
На украинском языке.

Когда мелодию заводит
Им го кий детский голосок,
То словно чудо происходит,
В котором ты не одинок.
В душе остались песни, будто
Они звучали испокон:
И «соловьи» с «червоной рутой»,
И белогривый чей-то конь.

Я помню ранние уроки:
«Тоска по родине» зовёт,
«Реве та стогне Дніпр широкий...»
Теперь он стонет, не ревет.
На самом трудном перевале
В такие сложные года
Друзья, бывало, предавали,
И только песни – никогда.

* * *

Бабье лето. Бабье лето...
Золотые дни...
Грустью тихой не согреты
Для меня они.

Паутинками уносит
Вёсен миражи.
Сердце ноет, сердце просит
У судьбы: - Скажи,
Неужели песни спеты,

Что мечтам сродни?
Бабье лето. Бабье лето...
Золотые дни...

* * *

Профессору Ю. Соколову

В той сказке, где встречаются святые
У пропасти, на самом на краю,
Меня держали руки золотые...
Я сердце Вам и душу отдаю.

* * *

Здесь, у подножья Парфенона,
Мы молодое пьём вино.
А изменилось ли оно
С поры империи огромной?
Её величие прошло,
Оставив нам следы на память
Для восхищений, словно знамя
Геройской доблести былой.
И что же? Славы весь запас –
В наценках за возможность видеть?
А, может быть, свою обиду
То время держит и на нас?
Не знаю, право. Но зелёным
Обвиты древние века.
...И снова времени река
Лелеет виноград влюблено.

В Аттике

Вечность здесь не кажется бездонной –
На руинах храма Посейдона.
То же всё: и брызги волн со склонов,
И следы в аллее на бетоне незастывшем
И в себя вобравшем
Не следы растерянной собаки,
А тот миг неощутимый, зряшный,
К той же вечности всего себя добавивший.
Что же мы ей от себя оставим?
Мы её собою не исправим,
Как волны незыблемое право,
Как цветущие и вянущие травы.
Как неуловимое, живое
Время, отражённое прибором

Картинка

В саду следов привычных я не встречу.
Ухоженности прежней не видать.
Ещё не запустение, «...не вечер»,
Но что-то душу стало занимать.

Наш домик пригорюнился немножко,
Хоть вроде не жалеет ни о ком.
Всё больше покрываются дорожки
Всё реже убираемым снежком.

Синичек говорливая семейка...
Не собрана калина до зимы...
Забывтая игрушка на скамейке,
Где летом посидеть любили мы.

Майские грибы

Это чудо! После дней дождливых,
А казалось, вечными им и быть,
Появляются в бору пугливо
И взаправду белые грибы.

Разрывая супеси оковы,
Опасаясь попадать под нож...
Смотрится нежданною обновой,
Когда их за озером найдёшь.

Там в лесу, трезвоны, песни, трели –
Всяк свою мелодию ведёт.
Ландыш лоскутами зелень стелит –
Под нее и лучик не пройдет.

Мошкара зудит... Она, наверно,
Воплощение лесного зла.
Прикрываются плащами с прелью
Не грибы разведчики тепла.

В поисках, по гак же было сроду,
Занят я извечною игрой:
Связью, установленной природой,
Между всем, что вижу, и собой

* * *

Мы в судьбе родной земли
Как-то странно проросли:
То ли памятью, то ль кровью,
То ль забытою любовью...
Потому мне так болит
Всё, что с родиной роднит:
И река с её привольем,

И берёза в чистом поле,
И глаза простых людей
На ладонях площадей,
И знакомые все лица
В сёлах разных и в столице.
Словно здесь я раньше был.
Словно много жизней жил.
Словно здесь следы оставил
С жизнью тех
для новых правил,
Суть которых неизменна:
Жизнь сама собой бесценна

* * *

Никогда ничем не клянись.
Клятва - слово. Но слово - начало.
А как сложится, сбудется жизнь,
У судьбы не расспросишь.

Настало
Время полною мерой платить
По своим обязательствам прошлым.
Надо помнить, в чём суть состоит
Обязательств. Судья ведь дотошный.

Не бросайся словами. Их риск -
Это семя для будущей жатвы.
Ты сначала себе разберись!
В жизни мало достойного клятвы.

Ностальгия

Зайти бы в хлебный магазин,
Что на конечной остановке...
И ты в троллейбусе один
Плывешь домой, на Куренёвку.
«Роман-газета»... Пахнет хлеб.
Молчит полночная столица.
И не мешает вспомнить след-
В XX-ом веке очутиться.
Перед судьбою без долгов,
Где день надеждою встречает,
Где живы все ещё, кого
Мне так сегодня не хватает.

Размолвка

Я к друзьям бы подался...
Но вот незадача:
Сколько ложные дружбы
Принесли мне седин!
Я не раз ошибался –

Учился. А значит,
Раз не веришь, пусть лучше
Я останусь один.
Надо попросту верить.
Свидетельства хлипки.
Что казалось бы раньше
Доказательством лжи,
На проверку всего лишь
Достойно улыбки.
Что в итоге? Что наше?
Себе расскажи!
Я к друзьям бы подался...
Да нет их, по сути.
Может быть, уходили
И они потому?
Оттого лучше сбросить
Неверия путы.
Одиноко. Один.
Нелегко одному

Посленовогоднее

Не разбирайте ёлочку, печальсь,
Даст Бог, ещё придётся наряжать.
Пусть наше время в новый круг отчалит,
Мы с ним, его не надо провожать.

И может быть, удачнее, чем прежде,
Все сложится. Зима ещё бела.
...Шары снимаем с ёлки как надежду,
Которая пока что не сбылась.

Но сбудется! Но сбудется, конечно,
Наполнит время радостью сполна.
Ведь елка с нами, словно сказка, вечно.
А сказка - быль, когда в душе она.

В душе всегда отливы и приливы,
Как на гирляндах отблеск серебра.
Удачи всем!
Пусть будет год счастливым.
Наполненным предчувствием добра!

Сила природы

Я осень разную приму.
Она к раздумьям побуждает,
Когда достаточно познаешь
(Чтоб усомниться), что к чему.
Берёзы в золоте. Во сне.
Вода ещё лазурью манит.
Легко довериться обману,
Что можно повернуть к весне.

И только жухлая трава
Нам трезвость мысли возвращает.
Строга природа, но права:
Нам зиму осень приближает.
Деревья, травы и кусты,
Готовясь к ней, тревогу прячут.
А это, несомненно, значит:
Не должен быть беспечен ты.
Любуйся осенью, пока
Она твои года венчает.
А если в них зима гуляет,
То, где последняя строка,
Судьба сама определяет.

* * *

Вздоргнут рояля сонные струны.
Вздоргнут и лунные пятна бесшумно.
Кто-то невидимый дверь приоткроет.
Скрипку сверчок заглушает рукою.
Вальса прощального кружево снится.
Что-то печальное в мире творится ...
Не оставляйте сиротствовать вещи,
В каждой душа от разлуки трепещет.
И пониманием, и вспоминает
То, что и вас в тишине обнимает,
То от чего сразу сердце забьётся.
То, что навеки у вас остаётся

* * *

Когда из дома все ушли ... За край.
От тишины звенит за образами.
Представить страшно: ищет Николай
Своих живых уставшими глазами.
Он к ним привык. Он сам им стал родня.
И смех, и слёзы, и печаль без меры –
Он видел всё. И не бывало дня,
Чтобы тепло семьи его не грело.
Луч сквозь стекло прорежет пустоту,
Пятном на стол, на лавку робко ляжет,
Где хлеб горячий остывал.
На стул
Светящимся перстом для ... никого укажет.
Он ждёт, когда щеколда звякнет «да»
И заскрипят, и заиграют двери.
А что не сбудется такое никогда,
Он знает сам, но сам не хочет верить.
...И я сквозь годы вижу бедный рай.
Я помню всё. Оно мне много значит...
Осиротевший строгий Николай
Тихонько ночью молится
и плачет.

Воспоминание

Ото сна очнулся я в тревоге,
Шелестя расстеленным кулём.
И увидел: дед молился...
С Богом
Совещался тихо о своём.
О погоде, ранней косовице,
О хозяйстве, о своей родне.
И о том, что правды не добиться
Ни вчера,
ни в будущем, ни «днесь».
Что обиды разные прощая,
Он простить не может только зла,
Отомстить за всё не завещая.
Колется неправда, как игла.
Ни по дороге и по закоулкам,
Но не вкривь и вкось судьба вела,
Нет, его крестьянская наука
С верою с родни ему была.
Он трудился - не пахал, не сеял,
Нет он жил работой на земле.
А к чему касался он - при деле
Становилось в мире и в селе.
Я тогда почувствовал, сгорая,
Соприкосновение чудес, -
Были рядом,
возле были, здесь.
Будто тот, кто истиною ведал,
Сам нуждался в истинах простых
Тех людей, что беды и победы
Видят лишь предметом суеты.
Чтобы мы терпимее, добрее
Были ко всему, что смыслом «есъм».
Потому что в будничном и зреет
То, что мир объединяет весь.
Чтобы в буднях истину познали,
Видя каждый раз в своей судьбе:
Вечное находится в деталях,
Как детали вечные в себе.

* * *

Как пожар на полсвета,
Осень поздняя эта.
Слабым солнцем согрета
На опушке трава.
Словно память о лете,
Красный куст бересклета.
Песня слышится где-то –
Разобрать бы слова.
А по небу - ни тучки.
Где ж ты спрятался, лучник?

Самолёта беззвучно
Напряглась тетива.
Ну, какой ещё случай
Может быть, чтобы лучше
Молвить тихо: «Послушай,
Ты, наверно, права...»

* * *

Прощание с морем печалит,
Как будто с отъездом твоим
У берега парус причалит
Прозрачный и лёгкий, как дым.

Усталые выйдут матросы,
И, за опозданье винясь,
Кого они в бухте расспросят
Найти где тебя и меня?

А к полудню ветер направит
Туда их придуманный флот,
Где Вечная Молодость правит,
Где Вечное Счастье живет.

* * *

Никто тебя не сделает счастливым,
Дарованное счастье что обман,
И ты его припрячешь торопливо,
Как прячут сдачу быстренько в карман,
Когда она еще с немалой суммы,
А сумма - не по средствам, и на то
Свидетель есть. А может, ты надумал
Накинуть чужой роток платок?
О, нет! Борись за счастье неустанно -
И, может быть, заметишь, что оно
Само уже в работе постоянной
Материализовано давно.
Имеют ценность лишь судьба и дом,
Добытые любовью и трудом

* * *

Когда тебе досадно и тревожно,
Когда в тебе нуждаются, а ты
Обязан расчленишь на доли сложность,
Свести её к решениям простым,
Оставь сомненья для других. Забудь их!
Порою - это мысли между строк.
Тем более, что за тобою люди,
Ответственность есть результат и срок.

А лучшего советчика, чем совесть,
Мир не придумал. (В общем, как и Бог.)
С неё начни! В рождённом ею слове –
Решение и правильный итог.

Ты совесть береги, поскольку нету
Правдивей зеркала на белом свете.

Я шёл

по водам,

словно Бог

Р. Паулсу

Маэстро

Она, наверное, в ряду... двадцатом даже,
А не в восьмом. Всё отдаляется. Бог с ней.
Кто с кем, в каком ряду и почему - неважно.
Есть только музыка. А музыке видней.
Она меня не отпускает, не обманет.
Я верю ей во всём. В плену её. И вот
Я сердцем прикоснусь к душе фортепиано –
И мир навстречу мне волною поплывёт.

Да. У Музы я узник. Дни - одни миражи.
Жизнь, конечно, не музыка, если Музыка – жизнь
Чёрно-белые клавиши - чёрно-белые дни.
Ах, берёт меня за душу то, что помнят они.
Но сейчас только Музыка, только заданный ритм
Медь, артисту послушная, о любви говорит.
На ударные, струнные и на голос живой –
Ангел с крыльями лунными и седой головой.

Гори, моя звезда. Гори, не догорая.
Свети, пусть Пиросмани свой закончит холст,
Где странный музыкант играет и играет
На крыше, под которой колдует Шерлок Холмс
Старинные часы там вечность охраняют,
В ней, не с одним крылом, любви пречистый ли
Маэстро в сердце ей надрывность нот роняет.
Но сдержанно, как Бог. Поскольку он - велик.

Вечер у моря

(К музыке Р. Паулса)

День гаснет... День гаснет...
Стихает море словно музыка.
Так грустно. И Вас нет.
И солнца ответы: пока, пока...

А волны прячут в свои узоры
Все то, чем сердце теперь болит.
И только чайка над синим морем
В лучах вечерних летит, летит...

День гаснет... День лета...
А с ним уходит что-то тайное.
Не знаю ответа -
Здесь все загадки неслучайные.

И только чайка над синим морем
И над судьбою в родном краю...

Все волны прячут в свои узоры,
Но им не спрятать любовь мою.

* * *

Отпусти мне, печаль, хоть минуту покоя
Для мелодии этой, что стала родней.
Я глаза утомлённые только прикрою –
И Она предо мной. Или я перед Ней.

Нам судьба предписала быть порознь навеки,
Но прошу я у Бога судьбу изменить.
Потому, что другим становлюсь человеком,
Для которого БЫТЬ означает любить.

Потому, что теперь мне не кажется новью
Всё, что здесь, до меня, стало жизнью
Её. Потому, что несёт меня чистой волною
На круги Её.
Там, озарённый любовью,
Я узнал и несчастье, и счастье своё.

Отпусти мне, печаль, хоть минуту покоя...

Из юности

Тот автобус помнится, как юность:
Из райцентра - в Киев.
Палисадники
В селах над дорогой,
что тянулась
Долго.
Остановки.
Пересадки.
Словно кадры фильма вижу ясно:
Вишни пламенеют над заборами,
Стайка провожающих у трассы
Больше со хмельными разговорами.
Дождевые лужи. Блики солнца.
Девочка с плащом, на руку
брошенном.
И ведро стояло у колодца...
И паслась корова у обочины...
Июнь 1962-11.06.2007

* * *

Я шёл по водам, словно Бог,
По озеру с названьем Конча.
И счастлив был, что это смог,
Что счёт удачам не закончен.

Что мир просторен предо мной,
Что неба синь - ещё подарок
И что не скоро снова Ной
Возьмёт по паре каждой твари.
Что вечен времени полёт
Для всех встревоженных, беспечных...
А скоро снег покроет лёд,
Маршруты пряча в бесконечность.

Свидание

Ты приходишь теперь к обелиску,
Откровенности не стесняясь.
Вы друг к другу сегодня близко –
Расстояния души не знают.
Он из вечности молчаливой
Говорит глазами желанное.
Как ответить ему, счастливому,
В жизни той, что уже за гранью?
Как сказать, что не сказано было,
Когда слышать он мог и видеть?
Говори, что угодно, милая,
Возражением он не обидит.
Только вряд ли утешит это
И тебя, и его, тем паче...
Есть пора, когда буйствует лето.
Есть другая, когда всё плачет.

Умирает сосна

Какая стройная сосна!
Ещё весною без изъяна
Она звенела как струна,
Встречая солнце утром - рано.
Вдруг порыжевшая, теперь,
Она горит, тревожа Кончу,*
Как воплощение потерь
В пути, который не окончен.
Родная, как я допустил,
Позволил как тебе болеть я?
Ведь ты могла, могла расти
Еще и в будущем столетье.
Быть может, в облике твоём
Потомок видел бы всё то же:
Зеленый мира окоём.
Что может быть его дороже?!
И мы бы встретились легко,
По сродных чувствах узнаваясь...
В душе печалью изнывая,
Прижмусь к твоей коре щекой.

Цыганская дорога

Звезда горит. Дорога дальняя.
Поёт гитарная струна.
Но не звучит печаль прощальная –
Везде родная сторона.
Дорога предками накатана,
Что суждено - тому и быть.
Загадки есть, они припрятаны
В цыганском таинстве судьбы.

Когда от яблоней метелица
Или в степи июльский зной,
Мне всё равно дорога стелится
И всё равно ведёт домой.
Домой - хотя дорога вечная,
Домой - а кони не спешат.
Мой дом - костёр горит над речкою,
А в доме том - моя душа.

Ты не гадай - я знаю, сбудется.
Глаза в глаза - и новый мир.
А мой тебе, надеюсь, слюбится,
Его себе со мной возьми.
Моя дорога бесконечная.
Века - дорожные столбы.
Там подорожником отмечены
Следы загадочной судьбы.

* * *

После лета сухого стала снежной зима.
Что случилось такого? Ты осталась сама.
Ни пора, ни погода... Ты спросила себя,
Почему за полгода изменилась судьба?

Почему изменилась? А, возможно, такой
Предначертано было неизвестной рукой.
Равновесие лечит от удач - неудач:
Если радость - утешься. Если плачется - плачь.

Но печалью подолгу над собой не кружись,
Укоризной не трогай всё, что в сущности - жизнь.
Ведь сбылось, слава Богу - ни тюрьма, ни сума.
...После лета сухого стала снежной зима.

* * *

Ах если можно было бы хоть раз
Во время золотое возвратиться,
Где был огромным смысл коротких фраз,
Где слово стоило иной страницы!

Что бы понять значение любви,
Что б ощущалась счастья бесконечность.
...Что бы сказать живущему:
- Живи!
В любви вся жизнь
И каждый миг - как вечность жизнь.

Молитва

Они сейчас в Иерусалиме...
А я, неверящий Фома,
Молю у Бога:
- Помоги им!
От горя я схожу с ума!
Когда Твой Сын там, на Голгофе,
На крест всходил,
Приняв грехи
(Грехи чужие),
Кто помог вам,
Чтоб сделать главные шаги?
Мир не безгрешен.
Жизнь не вечна.
Но, справедливо жизнь ценя,
Считали многие: конечно,
То не касается меня.
А ведь касается! И всё же
Есть справедливый высший суд.
Моя вина мне душу гложет:
Мои грехи родным зачтут.
Там кровь моя!
Молю я:
Прежде,
Чем суд над ними учинять,
Верни им Веру и Надежду!
...А за грехи - суди меня.

Автограф капитану

Я счастья формулу писал
Со смыслом важным и простым:
Попутный ветер в паруса,
А в сердце - ты.
А в сердце - ты.

Незнакомой Лене

Мы с тобою Водолеи.
И не только. Ведь подсчёт
Дням рожденья, юбилеям
Время в час один ведёт.
Одинаково всё будто,

Только разница одна:
Разных праздников и будней
Трижды больше у меня.
И, как вижу, поравняться
Не придётся. Не беда.
Важно чувствовать на двадцать.
...Лена, будь такой всегда!

Грусть

Почему же ты грустишь? –
Ты спросила.
Я не знаю.
Ничего не забываю,
Но молчу. А ты простишь?
Забываю повторять,
Что ты лучше всех на свете.
И не надо мне ответа,
Чтоб в словах не растворять
Эту нежность, эту грусть
Без причины объяснимой.
Сам я с чувствами такими
До конца не разберусь.
Помнишь? В море иногда
Удаляясь, тает парус.
Удержать его стараюсь,
Но...
плывут мои года

Выход в свет

Все неудачи, невзгоды - не в счёт.
Счастье ликует, а ревность рыдает.
Женщина рядом со мною идёт
Очень красивая и молодая.
Оберегая, от сглаза храня,
Взял её властно, надёжно под ручку.
Лия, Лиана, держись за меня,
Милая, нежная, добрая внучка.

* * *

У тебя зацвела орхидея...
Не заметила, к дате какой?
Прикоснёшься к вазону рукой, -
Может, вспомнишь по случаю, где я.

Пусть напомнит волнующий цвет –
Цвет сирени, пьянящей когда-то.
Разве важны прошедшие даты,
Если сердце не дрогнет в ответ?

Память так далеко унесёт...
Обижаться - напрасное дело.
Ты, наверное, очень хотела,
Чтоб она зацвела. Вот и всё...

У тебя зацвела орхидея.
...Ну, а пальма моя не цветёт.

* * *

Всю ночь тревожил соловей..
Он так надрывно заливался,
Как будто бы в любви своей
Впервые в жизни признавался.

Учитель маленький!.. Успеть
Пройти бы так и нам по жизни:
Летать!
Любить!
Страдать и петь
Без суеты, без укоризны...

* * *

Отдыхает август за рекою
Гостем у соседа сентября,
Открывает тёплой рукою
Первые страницы букваря.

На лугах, где осени одежды
Примеряют травы и лозняк,
На судьбе, на скорби и надежде
Свой печальный оставляет знак.

Увяданье медленно вступает
В потайной уверенный отсчёт.
Перелётный молодняк по стаям
Шумно собирается в облёт.

Сам себя оцениваешь строже,
Провожая путаницу дней.
И любовь становится дороже.
И земля становится родней.

* * *

Ах, стучат часы
В комнате твоей...
Что привычным стало -
Незаметно.
Сколько отсчитали
Стрелки
Разных дней!

Каждый -
Мне свою
Оставил
Метку.
Светлую - как взгляд.
Горькую - как яд.
Ну, а сколько
Пролетело мимо?..
Ах, идут часы.
Только
Не назад.
Не-о-ста-но-ви-мо. Не-о-ста-но-ви-мо.

* * *

Корабль качнулся
Незаметно
И, словно сомневаясь,
Вспять
Сам по себе
Под силой ветра
Стал от причала
Отплывать.
Безмолвный пирс,
Беззвучный сумрак,
Тумана сырость
На лице,
Сомнений,
Чувств и мыслей
Буря
Сплелись
В отчаянном
Кольце.
Пропало...
Поздно...
Поздно думать.
Пытаясь что-то
Предпринять,
Я потянулся
К доскам
Грубым,
Чтобы махину
Удержать
И, странно:
Счастьем
Отзывались
Мгновенья
Прошлые
Мои.
Держал,
Но руки
Вновь

Срывались,
В груди
Хрипело:
«Помоги!»

А ты не слышала...
Я падал...
Как солонина
Твоя слеза...
Нырял
В огромные,
Как память,
Твои прекрасные
Глаза.
Но безразличные...
И это
Мне душу жгло,
Рождало стон.

...Я просыпался.
Где ты?!
Где ты?..
А, впрочем,
Разве это сон?

* * *

Белый снег на каменной террасе...
Осень. Ялта. В парке, как в лесу.
Ощущаю скудные запасы
Слов, определяющих красу.

Эта багровеющая сказка...
Это море дивных хризантем...
Отдаюсь на их добро и ласку,
Отрешась от повседневных тем.

Чистая, святая непорочность...
Я ещё нашёл бы много слов,
Но неубедительных, неточных,
Словно бы намёки на любовь.

Увожу с собою мир прекрасный –
Этот новый, добровольный плен:
«Белый снег на каменной террасе» -
Имя поздних крымских хризантем.

Наша

встреча

не случайна

Наша встреча

В нашем городе большом
Наша встреча не случайна.
Только это тоже тайна.
Нам её понять вдвоём:
Наша встреча не случайна.

Нам её понять вдвоём.
Догадаемся мы сами,
Что писалось небесами.
Что? О ком или о чём?
Догадаемся мы сами?

Что? О ком? Или о чём? –
Вряд ли это занимает,
Когда сердце замирает.
Когда встречей увлечён.
Вряд ли это занимает.

Когда встречей увлечён,
Когда ждёшь её, как счастье.
К её счастью ты причастен
В этом городе большом,
Когда встречи ждёшь, как счастье

* * *

Мы не расстанемся с тобою никогда.
И это «никогда» - не клятвы юных.
Мы вечности подарим те и юни –
Мгновения в счастливые года.

Не верю, что такое невозможно.
Останутся свидетели любви.
Ты их, когда захочешь, позови...
Одно печалит: понял это поздно.

На тех дорожках, где ходили мы,
Где взять за руки хотели и робели,
В тех комнатах, где свечи догорели,
Следы есть чувств: и вечны, и немы.

Но зазвучат они и заиграют,
Когда дотронешься к ним чуткою душой.
И будешь знать: они с тобой, со мной.
Любовь жива. Любовь не умирает

Вирус

- Здравствуй.
- Здравствуй... Как спокоен

Голос мой! И твой - такой.
Только сердце вдруг занует.
Ты и сердце успокой.
Мне его не искалечит
Давней раны плотный след.
Кто сказал, что время лечит?
Что-то лечит. Что-то - нет.
Ту болезнь, что, как затмение,
В плен желанный забрала,
Не берёт лекарство-время,
Не берёт. И все дела.
В двух бываю измереньях:
Говорю, хожу... А сам
Где-то там под наважденьем
Глаз твоих.
Твоим глазам
Я послушен. Под гипнозом.
Он ведёт меня, манит.
Я к тебе в привычной позе –
Словно стрелка на магнит.
Я опасен, скажем прямо
(Как угодно назови),
Заражённый до Адама
Вечным вирусом любви

* * *

А той весной, помнишь,
наплыла
Такая удивительная нежность...
И все делилось нами пополам.
Любовь же не делилась, как и прежде. .
Любовь тебя за руку привела,
Оставила, как в школе первоклашку,
Надеясь, что душевного тепла
На ромашке
Она гадала раньше нам вдвоём,
А мы с тобой гадали на неё.
И совпадало!
...Чудо, возвратись! –
Там из любви произрастала жизнь

* * *

Я прикоснусь рукой к руке,
Как было в юности далёкой...
Как долго довелось реке
Идти до моря от истока!

Как много мне пришлось прожить,
Чтоб цену осознать мгновенью.
Не буду словом ворошить
То, что таит своё значенье.

Не говорю. Не надо слов.
Молчание не обессудьте,
Моя последняя любовь
По времени,
 судьбе
 и сути

* * *

Пахнет тобой подушка,
Крохи храня тепла.
А за окном кукушка
Утро подстерегла.

Дети сопут нечасто.
Ходиков ровный ход.
...Видно, таким вот счастье
Определил Господь

Первая любовь

Там, за околицей, светит луна,
Словно бы молится молча она.
То, что творится со мной и тобой,
Не повторится, но станет судьбой.

Пахнет полынь... Дуновенье тепла.
В поле озяли перепела.
По стерневищу серебряный свет –
Это от месяца тихий привет.

Ночь - наш свидетель, тревожный слегда.
Мы не заметили это никак.
Словно парим, над землею кружа,
Вечною парой, за руки держась.

Клятвы не надо - лучше без слов,
Если сюда привела нас любовь,
Если за нас тишина говорит.
Сердце от счастья, наверно, болит...

Простая истина

Я просить готов и вину нести,
Хоть проступки и непроступные.
Мы, наверное, в своем возрасте
Остаёмся, как прежде, глупыми.

Не привычен к уюту домашнему,
Я прикрыт был от зла хоть со спины
А теперь зачем ругаешь меня?
Меня мучит вина даже без вины.

В страшных мы грехах не замечены,
Относительно - даже чистые.
Ты уйдёшь, а мне жить-то незачем.
Вот настолько простая истина.

* * *

Признаваться Вам в любви стыжусь,
Чтобы Вам смешным не показаться.
Осторожно взглядом провожу,
Побоюсь наедине остаться.

Запоздала молодость моя,
Забрела в серебряные годы.
Радость и надежду не тая,
С моря ждёт, наверное, погоды.

Молодость, признаться, не корю,
Прячу в виноватую улыбку.
Вам о ней никак не говорю,
Хоть и тайна эта слишком зыбка.

Холодно дистанцию держу,
Не пытаюсь проявить участие.
Кажется, уже я близок к счастью.
...Но признаться Вам в любви стыжусь

* * *

Эта встреча, как жажда и ливень
В бесконечный, казалось бы, зной.
Но зачем говорю торопливо:
- Ты не будешь со мною счастливой,
Ты не будешь счастливой со мной?

Я печалюсь от права такого –
Говорить, убеждать. И ценить
Обронённое каждое слово.
Может быть, что оно для другого,
Для другого оно, может быть.

Пропадаю, тону удивлённый
В море чувства, где сплошь - соловьи.
Забываю - нельзя быть влюблённым.
И твои я целую ладони.
И ладони целую твои.

* * *

Я никогда не забываю
Весны капель и звон синиц...
Когда и сердце оживает.
Когда и небо без границ.

И, кажется, мы снова вместе.
И, кажется, любовь жива.
...Как отголосок давней песни,
Где стёрты временем слова.

Сомнения

В.

Пятый день кружит метелица
То слабее, то сильней.
Мне не верится и верится,
Что ты с каждым днём родней.

Тонет белая тропиночка
В круговерти снеговой –
Середина, серединочка
Между счастьем и бедой.

Счастье, если хочешь, встретится.
А беда... Беда, Бог с ней!
...Пятый день кружит метелица
То слабее, то сильней

* * *

Я вызываю номер твой –
Звучит мелодия ответом.
Но где же голос твой родной?
Не отзывается приветом.

Я понимаю, может быть
Причин, случайностей без меры:
Сменить «режим» могла забыть,
«Мобилку» бросила за дверью.

Или уснула без забот,
Или уставшая забылась...
Но мне тревога не даёт
Покоя, словно что случилось.

Летят из космоса звонки,
Кого-то ищут безнадежно.
Одно касание руки...
Ну, позвони! Пока не поздно.

Ведь ты же помнишь, как вдали
Ответа ждать из автомата.

И почему душа болит?
Болит, как в юности когда-то

* * *

Ты - женщина моя...
Какая бесконечность
Трёх слов -
Не заклинаний,
А мечты...
Какая в них
Трепещущая вечность,
Несовместимости единство -
Это ты.
Какая чистота
И страсть горенья.
Какая боль,
Желанная беда.
Какая ложность
Слов моих
В сравненьи
С их смыслом,
Многосложнее «нет... да...»
Оттенки слов
Слабей оттенков чувства.
Не призрачность -
Прозрачность, как слеза.
Ты - женщина,
Ты - род того искусства,
Которое
Вовек
Познать нельзя...

* * *

Бунтуют в небе юные стрижи –
Неблизкой осени
Надёжные приметы.
Рисуют кружевные витражи,
А в них твои,
одни твои портреты.

Простор подвижен, только сквозь узор,
Рисованный природою живою,
Твои глаза - не сказанный укор –
Следят за мной
с тревогой и тоскою.
Я замечаю, как в моей судьбе
Восстало всё, что не достойно битвы.
Слова, не обращённые к тебе,
Всё больше превращаются
в молитву.
Надежды и сомненья впереди,
Никто не вправе всё начать
сначала.

Такая синь! Такая боль в груди!
Как будто бы зима весь мир сковала.
О Господи! В надежде поддержи
В минуты растревоженные эти.
Бунтуют в небе юные стрижи –
Неблизкой осени
надёжные приметы

* * *

Я б хотел целовать уголки твоих губ
И рукою к руке твоей нежно касаться.
Не надеясь почти на старинное «люб»,
Что любовью твоей за любовь мне воздастся.

Я б хотел раствориться в твоей красоте,
Стать твоею безмолвною робкою тенью,
И, не веря на равное право смертей,
Ждать одних золотых и сплошных
воскресений.

Я б хотел... Ну зачем не сказать «Я хочу!»
Сослагательность слов.
Сослагательность мыслей...
Отрекаясь и мучаясь, молча кричу:
- Ты прости! Но люблю.
Я люблю... Так уж вышло...

* * *

Этот миг, этот день, этот мартовский вечер.
Этот шёпот прерывистый... Словно не я...
Не со мной этот звук... Этот княжеский крик
Так зовёт, так ведёт, как судьбы колея.
В ней зимы и весны очертания чётки,
В ней печали и счастья предписан предел,
Потому, может быть, дни слетают как четки
На пустой для меня (?), для других (?) передел.
До тех пор пока Ты мне прошепчешь тоскливо:
« Боже мой, как же долго тебя я ждала...» -
Остановится миг. Жизнь качнётся приливом.
Ярославна заплачет. И уснёт... Как была...

* * *

Я не могу забыть тебя. Но разве сказанное ново?
Произнесённое любя, есть только слово.
Только слово.
Я не хотел бы повторять всё то, что говорили раньше,
Но страшно право потерять сказать о том,
что будет дальше.
Я ухожу, я ухожу ... В туманной дымке дни и лица,

И потому так дорожу тем, что не может повториться
Мои года - моя беда, а лишь потом моё богатство.
Я бы его легко отдал за невозможность расставаться
Но о потерях не скорбя, и зная, что не будет чуда,
Я не могу забыть тебя. И не забуду. Не забуду...

* * *

Твой поезд грустно отойдёт
В ночи от старого вокзала.
Домысливать придёт черед
Всё, что сама ты не сказала.

Словами я переведу
Язык очей.
А будет мало,
Я за тобой вослед пойду
По охладевшим за ночь шпалам.

Чтобы сказать тебе одно:
Как мне до боли одиноко
Лишь потому, что в мир широкий
Твоё не светится окно

* * *

Не знаю, что будет со мною,
Но кажется мне, что теперь
Я снова, волнуясь, открою
Тихонько заветную дверь

И, не дожидаясь вопросов
(Всё ясно бывает без них),
Купаясь в распущенных косах,
Растаю в объятьях твоих.

Ничто не бывает случайным:
Ни счастье,

ни слёзы,

ни боль.

Хранится в судьбе моей тайна,

Но ты её знаешь -

любовь

Я всем

переболел

Опыт

Когда сердца ты зажигал
И душу вместе рвал с рубахой,
Тогда с надеждою и страхом
К тебе тянулся стар и мал.

Но мало было там людей,
Способных жертвовать и биться,
В борьбе к высокому стремиться
Во имя пламенных идей.

Да что там мало? Был у них
Разбег короткий - до удачи.
От заклинаний до подачек.
И стал чужим ты для таких.

Их душам чужд высокий стиль.
Седой своею укоризной,
Своим служением Отчизне
Ты им тревожил сытый штиль.

В кругу предателей, подлиз
Придётся подводить итоги.
И нет печальнее дороги,
Труднее, чем дорога вниз

* * *

Не обсуждайте прошлое, Бог с вами.
История не пишется словами.
Тем более, его не осуждайте.
Сегодня всё, что было, просто знайте.
Те, кто до нас, возможно, были грешны,
Но всё равно они остались вечны.
Им жить да жить! Но разные границы
У времени. У судеб.
По страницам
Я прошлое прочитываю снова.
В нём реки слёз, страдания и крови.
Возможно, путь был часто безрассуден,
Но по нему прошли живые люди,
Унесшие свою святую тайну:
Предвиденное что, а что случайно.
И было так от века и до века:
Легко пророку.
Трудно человеку

Эпилог к поэме «Зрада»

(Из В. Черепкова)

Тревоги.
Радость.
Лихолетье.
У предков как там ни было б,
А у меня
Через столетья
Болят от их поклонов лоб.
Через века кровавят раны
Моих предтеч
От забытья...
С трибун,
С газет,
С телеэкранов
Кричит больной эпохи
«Я!»,
Не знающее сути, меры,
Не закалённое, как сталь.
...Отбрасывая тех, кто верил,
Освобождая пьедестал
Тому, кого теперь... назначат,
Чтоб, совершив любой маневр,
Мог прошлое переиначить,
Переписать на свой манер.
А если, правда,
Под бандуру
И под гопак
Поставим памятники сдуру?

А шведы - как?
Былым «союзникам» во славу
(Народ ведь наш не ретроград!).
Заменяем гордое «Полтава»
На «Карло» иль «Мазепоград»?!
И - указателей аллеи!
Напоминают пусть о том,
Что победителей никто
Нигде не знал в безумном деле.

У нас есть всё: моря и горы,
Степей безбрежных пелена.
Дай руку, брат мой, чтобы горе
Не угрожало больше нам –
Ни наш разлад, как муха «шпанська»,*
Ни разобщённость всех славян.
Чтобы с артемовским шампанским
Встречали мы крымчан, львовян...
И привечали хлебом-солью,

Чтоб в радости, а не во зле,
Мы каждым свадебным застольем
Крепили счастье на земле.

Землёй запахло, сеном прелым...
Журчат весенние ручьи.
Как сердце, пахоту прогрели
Ярила нежные лучи...
Пусть жизнь меняется натужно,
Но толокой, давайте все
Возьмёмся за чапыги дружно
И сотворим добра засев!
Миленький вредитель

...Мой друг!
Наш помысел пречистый
Не загрязнит наветов муть.
Пусть обвиняют нас в корысти –
Собою будь!
В душе избавься от руины,
Чтоб в будущее заглянуть,
Творцом будь новой Украины –
Счастливым будь!
Пусть скажут, что себялюбивый.
Прими слова как бочки гром.
Людей люби, как свет,
Как диво!
Лечи добром!
И причащайся
В дни причастья.
Что должно - делай!
Воз тяни!
Себе в пути нелёгком к счастью
Не измени!
Не измени!

* * *

Когда твоя звезда
Заметна
и важна,
Друзей полно тогда,
И помощь им нужна.
Но если вдруг туман
Звезды закроет лик,
Тогда «друзья» - обман.
Быть может, невелик.
Я это знал давно...
Хоть опыт не велит,
Но сердце всё равно
От этого болит.

* * *

Мой незадачливый сторонник,
Ведя полемикам учёт,
Спросил:
- А льготы? Всё в них чисто?
Вы что сказали журналистам?
- Меня, - сказал я, - похоронят
По льготе...
За казённый счёт

Итог

Я всем переболел. Осталась только грусть.
В пережитое больше не вернусь.
Я всем переболел. Осталась только боль
От груза быть всегда самим собой.

Я всем переболел. Осталось только жить.
Да некому и нечему служить...

Призыв

Перед рассветом ночь темнее,
Длинней дорога предстоящая.
Но наша цель ясна.
И с нею -
К победе, люди настоящие!

К предсказаниям

Всё то, что имеем - итог за грехи.
Мы не отдавали природе долги.
Она утомилась от лжи, ото зла,
Не вынесла больше, терпеть не смогла.

Как будет - так будет. Не нам изменять.
Всё надо хотя бы достойно принять.
Жалею весь мир. Не жалею себя –
Так мало оставила счастья судьба.

* * *

*К сборнику стихов В. Черепкова
«У Вечного огня»*

Здесь стихи как открытая рана.
И, печалась, я думал не раз:
Если книги дарить ветеранам –
То какой тогда будет тираж!?

Разочарование

Так и должно было случиться...
Я не предчувствовал - я знал:
Не может чудо возродиться –
Игра имеет свой финал.

Когда последний лист слетает,
Минуя веток кружева,
Весь мир как будто замирает.
И не нужны совсем слова...

Нет состояния печальней,
Когда под тяжестью седин,
Не так гнетёт мотив прощальный,
Как то, что ты один. Один.

И некому сказать: «Послушай...»
Иль посмотреть в глаза без слов.
И знать: всё в прошлом, всё бездушно –
Друзья,
надежды
и любовь

* * *

Отболела душа. Откачались во сне полустанки.
Откричали в прогонах далёких мои поезда.
Я на станции той, где поют петухи спозаранку.
И не надо любить. И не надо спешить никуда.
Никуда-никуда. Слово странное, страшное это.
Не по мне вроде тихий, спокойный уют.
Словно в зиму вошёл, а пока ещё буйствует лето
И меня неожиданно здесь узнают. Узнают.
Потому и душа удивлению снова открыта,
Потому и роса обрывается громко, когда
Через всё, что прошёл. Через всё,
Что ещё не прожито
Поезда пролетают.
И тают...
Мои поезда.

Отболела душа...

Другу

Ты помнишь, друг, как много было встреч?
Людей не залы - площади, массивы!
Все были там по-своему красивы.
И каждый мог внимание привлечь.

Нас ждал народ.
Нам не хватало дня -
Учились жить и в спорах, и в согласьи.
В борьбе со злом рождалось наше счастье,
Несчастье в то же время - для меня.

Известно: вере каждой нужен Бог.
Но кто его присвоить сможет право?
Кто поведёт налево иль направо?
Нет Моисея.
Нет прямых дорог.

Я мучаюсь, хоть, может, и не прав.
А люди ждут. Песок глаза им застит.
И знаю: только смертью смерть поправ...
По - каждый. Каждый!
И уйдут напасти,
Прибавится покоя и добра...

Баллада об отце

Я эту картинку забыть не могу:
Отец мой и санки на свежем снегу.
Он из дому уголь везёт поутру,
Спасая от стужи родную сестру.

На согнутой вечной работой спине –
Фуфайка, ровесница прошлой войне.
Притрушен ледок, и скользят сапоги.
С трудом по дорожке даются шаги.

Отец мой упрям: ни помочь, ни вернуть.
И каждое утро торит он свой путь.
Беда, сиротится коль кто-то с родных,
Но хуже, когда так при детях живых.

Я в памяти роюсь - в горячей золе.
Заботы держали отца на земле.
Коль надо - так надо, поможет ли Бог?
Забота - не подвиг. Ты выполни долг.

Не знаю, я прав или это в крови:
Работой, служеньем народу живи!
Хоть чаще, бывает, напрасно тружусь...

Но санки опять поутру нагружу

К истокам

Я хотел бы здесь жить,
Если можно бы снова
Возвратиться к истокам
И смыслу всего...
Памятуя: вначале
Было молвлено Слово,
Я бы, вспомнив своё,
Повторял бы его.
И, к земле обращаясь душой,
Непреренно
Я с такими, как сам,
Обживал бы её,
Замечая на ней и вокруг
Перемены:
В них и труд, и любовь.
В них и счастье моё.
Я б усталым домой
Возвращался с работы,
Обсуждая с друзьями
Наполненный день.
И неважно, какая пора
И погода - Золотится ли клён,
И цветёт ли сирень,
Я в простом бы увидел
Высокое нечто,
У судьбы не пытаюсь
Года одолжить...
...Как же хочется мне
Окунуться вот в это
И признаться себе:
Как же хочется жить!

*Живу, покида пою **

Друзья, бывало, предавали,
Но только песни – никогда!

1. Понад лугом.

Над лугом, возле луга.

Песня написана в 1992 г. в память о моём товарище, земляке, председателе колхоза - Николае Валовом. Ему было чуть больше 50-ти. Будучи, как и я, кандидатом в депутаты на выборах 1990 г., он вёл агитацию... за меня. Толковый организатор, он имел большой авторитет в районе и не только.

В свой округ я приезжал регулярно. После приема граждан и решения множества дел, связанных с депутатством, мы нередко собирались вечером, чаще - в луговой балке за его селом. Были друзья, человек 5-7. Костёр, песни.

Известие о его внезапной, во время уборки трав, смерти пришло поздно и застало меня далеко от Киева. На похороны я не успевал. Остались только воспоминания тех песен, которые мы пели. Их отзвуки, ассоциации, некоторые слова и вошли в текст. Он кстати, назывался «Песня о песнях».

По смыслу перевод примерно такой.

Зови, не дозовёшься, только долиной
Испуганно бросится тихое эхо.
Знаю, не каждому быть человеком,
Надо им стать.
Осень, листья падают, закончилась посевная.
На горизонте неслышно удаляются перелётные и гицы.
Чуть теплится песня, когда-то не допетая.
Она - словно тепло ладони на плече.

А песни разные.

Понад лугом, гей!.. (Слово «Гей!», равно как и «Ой!», в - русских и украинских - песнях встречается часто. «Гей!» - посыл к движению заряженным быкам, как «Но!» - лошадям. Но не (умаю, что эти возгласы в песнях означали что-то конкретное. Кое-кто считает, что «Ой!» отражает тяжкую жизнь. Нет, ведь и шуточные песни начинались такими словами: «Гей, наливайте повні чари...», «Ой, лопнув обруч...» и т.д. Мне кажется, ни краткие слова означали сигнал к началу песни, и, кроме того, запевалой они правильно задавали её тональность).

Так вот, в песне я просил не связывать путами лошадей там, в долине, а к ним - свободным – припасть лицом в гриву, чтобы скрыть своё состояние. «В білку гривоньку припаду лицем». На Украине эта песня очень популярна, её многие любят. Она начинается словами:

«Ой, чий то кінь стоїть
Що біла гривонька?..»
(Чей это конь стоит белогривый?)

«Ой, ти місяцю» - так начинается другая песня, в которой казака сравнивают с месяцем, девушку - с зоренькой. Песня очень лиричная, мы её любили. Но... что вспомнится, не поётся теперь...

На том месте, где мы собирались, был и родник (криничка), и калина. Они - обязательные образы множества украинских народных песен. В частности, вспоминается девушка, набирающая воду ведёрком, но теперь это ведёрко тонет на дно «...та й відеречко на денце впушу».

За туманом слёз не видать. Да и казаку это не к лицу. Он видит проступающее из тумана поле с уходящими без начала и конца рядами озими.

«Все передумано. Сіно не кошене.
І не співає вдова молода...»

Есть щемящая украинская песня «Ой, під лугом зелененьким», где, в частности, молодой хлопец Василько косит сено, а любимая им молодая вдова недалеко і выбирая лён, поёт. Поёт, видимо, грустно, но настолько красиво, что Василько её голос пропускает через сердце, п е р е н о с и т его. Он бросает косу (поэтому «сіно не кошене»), идёт к матери просить разрешения свататься к любимой. Но это уже другая история... В нашем же случае, вдова не поёт, мы о ней не упоминаем, потому что песня не звучит.

«Нелюб на рученці...» из другой песни - «Он, у полі вітер віє» (Ой, да полем ветер веет»). Там казак просит любимую выйти к нему, но она замужем и нелюбимым. Она отвечает, что нелюбимый лежит на её правой руке, она боится его разбудить.

«Греблю, де верби, цілує вода», воспоминание о песне «В кінці греблі шумлять верби» (В конце плотины шумят вербы), которые девушка сама посадила, но нет её миленького, которого полюбила.

После этого звучит, в общем-то, риторическое, как бы с обидой на судьбу:

«Чом же доріженька коротко вишита?»
(Почему такой короткой вышита жизненная дорога?)

А её - дорожку - издавна сверяли с количеством лет, которые сможет накуковать кукушка. Она и бросала в траву серебро, но не угадала в счёте. Я (это я уже к себе говорю) буду жить столько, сколько буду петь, продолжая тем самым жизнь своих друзей.

Ведь они живы в нашей памяти.

2. Світ вечоровий.

Свет (мир, пространство, место обитания) предвечерний.

Эта песня привязана своим содержанием к месту моего детства. Я отчётливо вижу небольшие холмы, очертания леса, за который опускается солнце. В это время синее небо, появляется первая вечерняя заря («як небо синіє і зірка тремтить (дрожит)»). Тебе кажется, что ты и сам взлетишь («в ірій» - в птичий, перелётный клин), и от этого чувства побаливает сердце.

И обнимаю этот родной вечерний мир, не боюсь "речи забытая («забуття»), потому что жизнь не бывает без счастья, без любви, как счастье не бывает без боли.

В такое время соединяется давнее и близкое: материнская рука на детском плече, лепет уже твоих внуком, домик-колыбель («хата-колиска»), оркестры, тишина и плач скрипки. Всё вместе.

Обращаюсь к Господу, прошу, чтобы он держал это небо, как судьбу. Пусть садится солнце, пусть спокойно уснут дети. Сны им возвратят волну нежности, ласки и любви.

И в том они когда-то повторят нас.

3. Лелеки.

Лелека - аист, любимая в народе птица. Как и лебеди - синоним супружеской верности, верности в паре, в любви.

Об этом и песня.

Аисты собираются в далёкий путь, в тёплые края, поскольку уже август идёт в гости к осени. (Песня посвящалась семье друзей, у одного из супругов был день 50-летия). Между собой они (считай, и птицы, и люди) вели разговор. Говорил больше седой («сивий») аист.

Не спеша расставайтесь со счастьем,

Я перелю в слове к тебе часть своей души,
Частичку большой и чистой любви.

Это припев. А в продолжающемся разговоре он напоминает о трудном перелёте, о важности держаться в паре, поскольку это главное самой жизни. Пусть даже болит под левым крылом.

Они поднялись, издали слышен их «клекот а в нём каждый различает своё: о судьбе, о вечном. О том, что всему своё время: лететь и возвращаться, любить и страдать, смеяться и плакать...

4. Дочина пісня.

(Песня дочери).

Закономерный и всегда трагический момент отрицания, когда ожидается неизбежный уход родителей, в данном случае матери. А дочь далеко и понимает всё это. И пусть это будет не сейчас, но она не в силах подложить руки под беду, поскольку не имеет возможности помогать одинокой матери.

Её воспоминания, как в тумане: хата под горою, белеет «романец» (дикая ромашка) возле тропинки, по которой неслышно (воображаемо) она идёт, преодолевая при этом прошедшие годы.

«Росою і роками навпростець».

(По росе и годами напрямик).

Ко двору припадает позднее лето, уже не отзывается кукушка. У дочери устало сердце, ведь она понимает, что мать не столько живёт, сколько ждёт её. «...вона чекає».

На улочке, где родительская хата, осталось мало дворов. Трудно надеяться, что кто-то перейдёт им - матери с дочерью - дорогу с полными ведрами. То есть, на счастье. Вспоминается при этом пословица «Чужую беду рукой отведу». Дочь готова сделать это (и сделает!) относительно матери, но впереди - отчаяние:

«А хто ж мою від мене відведе?»

(Кто же отведёт мою беду?)

Об этом песня. В её конце, впрочем, есть утверждающие слова матери. Она и живёт только потому, но ждёт свою дочь (своих детей). Обычная история.

5. Ой, не лети, зозуленько.

(Не улетай, кукушка).

Здесь, почти повторяется содержание прежней песни. Оно, в общем-то, авторское, передающее моё состояние в то время, когда мать была ещё жива.

Не улетай, кукушка, из нашего луга. Развей моей матери хоть немного печаль. Пусть чуток обрадуется даже «через силу», преодолевая себя.

Ой, сизая, зозуленька,

Ой, матінка сива.

В этом месте перевод не нужен.

А ещё прошу кукушку не улетать из нашего сада. Пусть она донесёт матери святую ложь о годах, которые она проживёт.

Примерно так. Песня воспроизводит народную «мелодику». Темп её медленный, что позволяет вдуматься в смысл и передать настроение.

6. Люби мене.

Название не требует перевода.

Люби меня, и всё. Пусть развеется печаль, над селом, где стоят «три вербы» и встретятся вновь голуби. На самом деле, это не они, это, условно, мы.

И припев:

Пусть мать(ещё неседая, видимо, забывшая молодые годы) не заставляет жить с нелюбимым, чтобы не приходилось неправдой, изменой искать счастье.

А происходит так, потому что нам «пороблено» (так сделано, наворожено). Но всё равно пусть мать не препятствует...

7. Перше кохання.

(Первая любовь).

Песня написана в дороге, летом, во время колошения хлебов. Я останавливался возле поля, увлечённый этим состоянием молодости, зелени и воспоминаний.

В майском чистом поле ветерок катит волны по пшенице. А за левадой меня ждёт она (писалось от мужского имени, артистка попросила сделать для женского голоса). Он, ожидая встречи, сердцем обращается к ней.

Ой, любовь моя, сизая горлица (дикий голубь), над селом летит яблоневого снега. Прикоснись лицом к моему лицу. Как же я мог жить без тебя (мы - друг без друга).

Это припев.

Всё остальное - как обычно. Ветер играет её косами, волнуется сердце... Обычно, но... единожды, поскольку - первая любовь.

8. Отболела душа.

Песня на русском языке. (Текст - в сборнике). Её каждый воспринимает по-своему. Впрочем, как и любую песню, примеряя её к обстоятельствам своей жизни.

9. Сивію з любові

(Седею от любви).

Я седею то ли от любви, то ли от боли за тем, что уходят года. И мне всё ближе к сердцу слова песни «Така її доля» на слова Т. Шевченка.

Така її доля. О, Боже мій милий,
За що ти караєш її, сироту?
За те, що так вірно вона полюбила...

(Такова её судьба. Господи, зачем ты её наказываешь? За то, что она, сирота, полюбила...).

...Так вот. И эти слова становятся ближе, понятнее, и теплее от её (твоей) руки.

Дороги сначала сошлись, потом расходятся клином. И, наверное, не надо искать всему причину, поскольку это судьба, всему есть высший знак.

Да, нас, верных и нежных, осталось немного на свете. Но, кто знает, это счастье твоё (её) или беда...

10. Приворотне зілля.

(Приворотное зелье).

Композитор (он же исполнитель) использовал здесь тексты двух стихотворений. В качестве припева - стихотворение под названием «Березовый сок». Оно писалось с чуть шуточной интонацией, мол, даю тебе не сок берёзы или клёна, а зелье, в котором сам я: пей! убедишься! И будешь ждать меня вечерами, опустив руки, ходить со мной синими лугами. Как я хожу с тобой... во сне.

Примерно так. Текст другого стихотворения в сборниках не помещён. Он стандартный: парень готов достать любимой звезду, лишь бы она всегда была с ним. Идиллия, само собой разумеется. Но добрая.

11. Заговори мою душу.

Осенняя пора. Всё будто уснуло в ожидании серебряных зимних обнов, а я тебя спрашиваю, не забыла ль о нашей весне, похожей на любовь.

В припеве объясняется причина этого вопроса

Я тебя спрашиваю, чтобы знать,
Хотя, что мне от этой правды и поры (весны)?
Ты весной изранила мне душу,
Теперь её хотя бы заговори (залечи словами).
Между тем,
Седое небо, галдят вороны.
Качается надежды пелена.
Кто не любил, просто так не заплачет,
А кто не плакал, тот не знал (не чувствовал) жизни.
Осенняя пора. Тихо. Сумрачно, (точнее, предвечерняя пора)
Где-то выныривают обрывки слов и снов.
Пусть тебя случайно разбудят
Оркестры незабываемых Соловьёв.

Другими словами, ты мне душу израненную излечи, но и сама о тех соловьях вспомни. Я писал эти слова в Трускавце, в санатории. Вечерами там, на деревьях, галдят, готовясь к ночлегу, галки. Их очень много. Соловьёв, конечно, слушать приятнее.

12. Друзьям.

(Друзьям)

Это известный шлягер. Текст написан очень быстро, по настроению.

Снова цветёт акация. Тёплый ветер нагибает ветки. Я пытаюсь прильнуть ко всему свету. Еду домой, к друзьям. На доброе слово, где всё определённо: черное - чёрное, белое - белое.

Там от тревог отдохнёт душа,
Там без повода попросишь прощенье.
Это мой край, мои щемящие пути (верёвка для спутывания ног лошадям)
Это мои боль и счастье, мои грех и Бог.

А в это время над Украиной пора, какой нигде нет, нет», то что происходит с нами, не требует объяснений ни словом, ни пером. Ведь... еду домой.

Израненному этой красотой,
Мне долго будет снится чудо,
Как цветущей (половеющей) пшенице
Ветерок шепчет о любви.

В слова этой песни не обязательно вникать. Её поют на свадьбах, под неё танцуют. Потому, что ехать домой, если есть к кому ехать, всегда хорошо.

13. Спогад.

(Воспоминание).

Музыку написал А. Фокин, руководитель известного джаз-бенда. Мне песня интересна и с этой стороны. Ведь, в основном, все мои песни с украинской мелодикой и аккомпанемент в них соответствующий. А здесь не так. И поёт здесь иностранец-серб.

Озеро, речка, пруд - для каждого это какое-то воспоминание *н а ч а л а* . Тем более, что речь о воде, она - хранитель памяти.

Там серебряный месяц кладёт на воду чистую до рожку,
Там раньше ворожили на венках девушки. В припеве:

Спит вода или играет плес,
А память возвращает недавнее:
Над берегом летят аисты
Чёрно-белые, как моя жизнь.
Зря говорят, что дважды в воду не войти.
Воспоминанием можно хоть сотню раз окунаться в эту воду -
В те беззаботные ласковые миры,
Где «...сім'я вечера (ужинает) біля (около) хати».

Цитируется Т. Шевченко «Садок вишневий біля хати».

И потом мы давно взрослые, но...
Мы знали океаны и моря,
Но что нам эти бесконечные величины,
Если самая чистая заря в той воде,
С которой начинается Родина (твоя маленькая 1'одина).
Во всяком случае, я чувствую так.

14. Все минає.

(Всё проходит).

У этой песни своя история. В феврале, на свой день рождения, я приезжаю к друзьям на факультет, который когда-то закончил. Собираются друзья, иногда ректор университета, декан механиков (это он поет «Світ вечоровий» и «Лелеки»), однокурсники, мой старший брат, мы учились вместе. Бывает человек 10-12.

В тот день была чудная погода. Глубокий свежий *і* нет. Из окна аудитории для потока мы наблюдали завораживающее всех чудо (университет находит- и в самом красивом месте Киева - в Голосеевском лесу). Кто-то произнёс: «Время-то как быстро проищет. Что оставим мы после себя?». Я взял мел (люблю писать им на доске - преподавательская привычка) и написал «Після нас залишиться люпин». (После нас останется любовь). Пообещал, что напишу текст с этими словами, а замдекана по воспитательной работе, композитор В. Домшинский, пусть, напишет музыку.

Текст я передал утром. А через день полетел в Берлин, кажется, на заседание немецко-украинской межпарламентской группы. Приземлившись в Берлине, перезвонил домой. Мне сообщили, что брат Виктор скончался от инфаркта. Мы были друзьями по жизни.

На следующий день я возвратился домой. Подкорректировал некоторые слова. Посвятил песню памяти брата. В ней, правда, используется не весь текст.

День наступит грустью или радостью.
Век встретит горем или добром.
Миг один от юности до старости.
Мир один-единственный за окном.

В его просторах я забываюсь,
С его ладоней тепло ловлю,
Недругам прощаю, сам каюсь,
Утешаюсь, мучусь и люблю.
Всё проходит: и года, и вёсны.
Всё исчезает до своих основ.
Не спрашивай, что мы принесли в мир, -
После нас останется любовь.

Выныривает из песни «Чуєш, брате мій...» (это украинская, тужливая эмигрантская песня: слышишь брат, улетают журавли, слышишь «кру-кру-кру, на чужбине умру...?»). И далее вспоминается:

Хата, рушники да хлеб и соль...
Я не сверну на свою судьбу
Ни один укор, ни гнев, ни боль.
Господи! Как синее всё, как высоко!
Над землёю вечности фата.
По траве бежит ребёнок «вискоком» (подпрыгивая)
Босиком, беззащитный и святой
Думаю, когда душа поднимается над землёй, она видит всё далеко и вглубь времени, наблюдая, как мы детьми бегали по траве.

Такая вот печальная история. Эта песня несколько лет назад стала победительницей всеукраинского радиотрибунала. Может, потому, что ни слушатели, ни жюри не знали, кто является автором песни. Впрочем, ещё две песни удостоены такой чести, оставлены в «золотом фонде» украинского радио.

Кстати, одна из них - следующая.

15. Міський роман.

(Городской роман).

Сюжет стандартный, с некоторыми особенностями. Его можно было прочувствовать в фильмах «Забывтая мелодия для флейты» с Л. Филатовым, «Служебном романе» и «Осеннем марафоне» с О. Басилашвили.

Две женщины - подруги равнодушны к мужчине. «Треугольник» классический, но... они все взрослые, женщины замужние...

Певица Светлана Мирвода сказала, что песню никому не отдаст, что в ней на редкость точно передана женская душа, её трагичность. Не знаю...

Так неистовствуют соловьи! Пьянят акации медовые,
Словно насмежаются они над моей поздней любовью.
Прячу в себе боль и грусть. В семье - и рядом, и далеко.
И надеюсь, и прошу: «Как тяжело, Господи! Как легко...»

Вроде бы не думаю, а слышу сердцем,
Оно болит всегда, а нечасто.
Моя подружка, моя соперница,
Не отбирай моё несчастье!

В маршрутке Киевском плыву. Ландыши в переходе.
Я и живу, и не живу, дни давно сквозь меня проходят.
Вот здесь были с ним одни, смотрели радуугу «Днепрову».

Вот здесь сознался он в любви. Вот здесь... И снова, снова, снова...

Глаза я вижу и уста. А слов не слышу - только звуки.
Я словно снята бы с креста, когда припомню его руки.
Когда печёт меня огнём (хоть я нисколько не ревную),
Но вижу я всегда одно: он обнимает, он целует...

Здесь трижды повторяется припев. В его послед ней строчке немного меняется содержание просьбы к подруге-сопернице: «Не отбирай», потом «Не три гай», потом - «Не убивай» и в финале - «Осташ. мне мою любовь!».

Сюжет, пожалуй, для романа. Остановка за малым - талант и время.

16. По під вікнами твоїми

(Под твоими окнами).

Сюжет домашний. Я на самом деле под окнами посадил калину и лесной орех. Обращаюсь к жене:

Посажу, чтобы никогда не исчезало то,
Что соединяет нас воспоминаниями.
То, что словом я передать не смогу.
Зацветёт ранняя черешня
В убранстве невесты
Каждую весну, словно в последний раз
Засветится.
А серёжки орешины («ліщини»)
Украсят летнюю тропинку,
Где когда-то мы впервые шли - Ты и я.
А калина в каждое время
Цветом, ягодами, гронами,
Охраняя от плохого,
Защитит.
Под окнами твоими
Ходит наша общая судьба.
...Ради этого обязательно
Нужно жить.

Некоторая недосказанность индивидуальна. Жена многие годы прикована к постели тяжёлой болезнью.

17. Я тебе цілую обережно.

(Я тебя целую осторожно).

Сюжет, как и многие, вымышленный. Содержание простое.

Я тебя целую осторожно,
Чтобы ты не испугалась, подумав,
Что я забыл понятные границы
Своего возраста и своей жизни.
Всё в жизни - только бесконечность,
Все относительное. И поэтому жаль.
Почему ты запоздала? Чтобы твои плечи

Завернул я в свою печаль?
И повёл бы тебя под небесами
В диво светлое, одинаковое для обоих,
Где органно, низкими басами,
Оттеняет соло скрипки Бог.
С расстояния далекого прослежу,
Как ведёшь нить своей судьбы...
Потому и целую осторожно,
Чтобы неосторожно не сгореть самому.

18. Ты не ревнуй мене.

Ясно без перевода. В сборнике стихов эта вещь называется «Вместо романса». Романсом она и задумана.

Ты не ревнуй меня. Не надо.
Не стоит это душевных ран.
Горит моя любовь к тебе
Назло всем лихим ветрам.
Если бы в церкви к иконе
Я мог с верою припасть,
То и там, на иконе, знакомые
Нашёл бы родные черты.
И я молился бы, чтобы в скорби
Не замыкались твои уста,
Ибо ты моя, как плоть от плоти,
Что из любви прорастает.
Ты моя. Но имею ли я право
Говорить так и думать так?
Смилуйся, подай ласковый,
Нам обоим понятный знак.
Я запалю легонько свечу
Под грустный благовест,
Горит вечная к тебе любовь,
Душа стекает, как воск.
Вокруг нас все под небом –
Для нас единый светлый храм.
Ты не ревнуй меня. Не надо.
Не стоит то душевных ран.

19. Туман плыве.

(Туман плывёт).

Песню поёт в своё время знаменитый Черкасский народный хор. Он наиболее известен исполнением песни «Степом, степом...» (Степью, степью шли на бой солдаты...).

Туман плывёт над речкою,
Вода стоит, как стекло.
Почему сердце жжёт свечой? –
Ведь ничего же не было.
Туман плывёт, стирая
Осенние следы.
Потому и душа, сгорая,
Подсказывает: не жди.
Не жди, не возвратится
Та майская сказка («у маю»)...

Туман плывёт и стелется
На мою судьбу...

Можно закончить «На долюшку мою...»

20. Від солов'їв здригнулась неба синь.

(От соловьёв дрогнула небесная синь).

Дня меня очень близка эта мелодия. Вспоминаешь себя в молодости. Ты возвращаешься после затянувшегося свидания. Соловьи...

От Соловьёв дрожит небесная синь,
А город спит, закутанный в туманы.
Я вернусь, ты только попроси
Глазами, иль руками, иль словами.
Я вернусь и очаруюсь вновь,
А ты заплачешь тихо, без причины.
Проходит жизнь, но ведь жива любовь
С твоими неповторимыми глазами («неповторними очима»)
Плывут, плывут майские голоса,
Качают мир, украшенный над нами.
От Соловьёв дрожит небесная синь.
А город спит, закутанный в туманы.

В третьей от конца строчке поётся «заклочаний» (світ заклочаний). На Троицу дома и двory славяне украшают ветками зелени, полы устилают татар зельем и чебрецом. Эта традиция сохраняется.

Украшенный таким образом дом (в данном случае - мир) вызывает чувство праздника и ощущение счастья. В том состоянии, которое характеризуется песней, праздничным казался весь мир.

15 марта 2011 года

Листая страницы антологии «Украина. Русская поэзия. XX век»

Несколько недель меня тянуло домой, за свой рабочий стол, где ждала меня эта удивительная книга. Десятки часов, проведённых с ней, повторные встречи с собранными вместе авторами в чём-то меня изменили. Так, во всяком случае, мне кажется.

Не сразу стал я делать заметки, цитировать авторов. А увлекшись, подумал, что это может привлечь внимание читателя, не равнодушного к поэзии, и тогда, получив, пускай слабый толчок, он разыщет в библиотеке стихи нужного автора. А, может, удастся ему найти и эту антологию - книгу уже редкостную, в некотором роде уникальную.

В ней авторы разные. Они индивидуальны. Кажется, в обычных, не раз встречавшихся вещах каждый из них видит своё. Метафоры запоминаются. Выводы кажутся поучительными. Образы обогащают представление о мире, в котором мы живём, заставляют им восхищаться. И задуматься над быстротечностью дарованной нам жизни. Давайте только представим это:

И яблоня цвела
В круженье ровном пчёл...
Цветущие одежды абрикосов...

Это виденные нами картинки, чаще мимолётно воспринимаемые. Трагичность, тревожность их красоты вспоминала Наталья Антио-Вербицкая, позже возвращаясь памятью к весне 1941 года. Уверен, представляя их, каждый из нас задумается о смысле жизни.

Не ограничено пространство,
Но время, время истекло...
...Чем продолжительней молчанье,
Тем удивительнее речь.

Приведённые цитаты - из разных стихотворений Николая Ушакова, но их достаточно, чтобы понять, почему на него так много ссылок у многих авторов, почему их биографии соприкасаются с творческой деятельностью этого поэта.

Кого из нас не оставляло равнодушным симоновское «Жди меня»? Чувство верности и светлая тоска вложены там в каждое слово. Но по другим причинам с не меньшей глубиной такого же чувства звучат слова Михаила Байтальского, комсомольского активиста, трижды осуждённого, фронтовика:

Ты помнишь, как стукнули в дверь?
Ведь, кажется, было давно,
А стынет оно и теперь.

Минуты я не был один,
Но годы я был одинок.

Не яркою победной красотой...

Ты в чёрный день одна со мной была.

А если в путь мне заиграют трубы –
В последний раз прижми меня к груди,
В последний раз дай поцелую губы –
И без слезы проговори: «Иди!».

Не всё можно зафиксировать в фотографии, в фильме, а ведь многое нам забывать нельзя. Через образы, затронувшие воображение поэтов, нам легче проникать в прошлое. В 1941, уже во время войны на Украине, Татьяна Волгина писала:

Над рекою - облако в крови,
Как корабль, горящий на причале...

А совсем другое представляется за фразами Василия Малагуши, проведенного ни за что 18 лет в колымских лагерях.

Здесь молодость моя, как в Мавзолее
забальзамирована временем, лежит.

В другом месте он вспоминает то, что видели многие из авторов антологии.

И вздрогнет душа,
только струны тронь...
И в сердце войдёт теплота.
Кому - вечная память,
кому - вечный огонь,
кому - вечная мерзлота.

Талантливый Всеволод Лобода, погибший в 1944 году в 29-летнем возрасте, адресовал свои строчки в Киев, на Павловскую, 10, где

Впервые за два года не прикладом,
Без окрика,
негромко стукнут в дверь.
Старик откроет окна.
В шумном мире
Осенний день, похожий на весну.
И солнце поселится в той квартире,
Где я родился в прошлую войну.

А не поселилось, не судьба, как видим. Она была у других, у нас с вами. Важно, чтобы нам «через сердца проходили боли века», напоминает Павел Шадуров. И чтобы это было для нас естественным.

Берёзы под окном теснятся
и смотрят из наплывшей тьмы, -
деревьев можно не стесняться:
они естественны, как мы!

К такому заключению (выводу) приходит Леонид Вышеславский, с которым посчастливилось мне познакомиться на творческом вечере. Печально, что за несколько часов до его странной гибели.

Поэзия помогает узреть, понять важное в жил ни, не пропустить его, по-новому, ярче и значительнее увидеть и прошедшее, и настоящее время. Ведь к каждому и сейчас обращается Николаи Тарасенко:

... Я столько лет не видел пажити,
Я цвет зелёный проглядел.
Друзья, что вы на это скажете?
Да оторвитесь вы от дел!

Сколько раз суета, ложная важность текущих дел не давала нам возможности заметить, что жизнь, по-украински говоря, «минає», и действительная ценность её - не в суете. Что, замечая её быстротечность, мы поднимаемся над рутинной повседневностью, потому что, подчиняясь ей, мы теряем иногда своё достоинство.

О, как я презираю суть свою –
вневременную суть рабыни.
Мне б вырубить своё присутствие,
как рубят корни у рябины.

Это о себе пишет интеллигент с большой буквы, с редкой родословной Клавдия Путилова.

Ответственное отношение к собственному смыслу жизни - такое обобщённое отличие содержания практически всех поэзий, собранных в антологии. Поскольку в ней представлены более 750 авторов, творивших в течение ста с лишним лет, можно говорить об общей характеристике русской поэзии, поэзии вообще.

В моменты истины и минуты испытаний смысл жизни и смысл поэзии обнажаются. «Я, оторвавшись от стихов и книг, читала в людях, как и стихах и книгах», - писала в 43-м киевлянка Людмила Титова. Практически не печатавшаяся при жизни, она - автор стихов с удивительной экспрессией. Мучилась много лет из-за того, что молодой девушкой, сопровождая «мадонну в траурном платке» - одну из жертв Бабьего Яра, она невнимательна была к словам той, с ребёнком на руках...

Скажу очередную банальность: надо читать соплеменников! Им легче будет жить. Нам *легче будет понимать* жизнь. Ведь, уходя, поэт мучается тем, что напоминает Людмила Титова:

Теперь я в странной сумрачной державе,
И нет конца моим тревожным снам,
И тяжко недосказанное давит
И не даёт покоя даже т а м .

Надо знать авторов. Узнаешь о них, например, из этой антологии, чаще тогда, когда уже поздно. А он был здесь, рядом с тобой существовал иной мир, возвышенный и трудный. Надо пользоваться возможностью обогащаться этим миром. Вместе - мы значительнее! Давайте считаться с этим. Вместе мы будем богаче, искреннее. Будет оправданнее, полнее вся наша жизнь. Каждый ли из земляков знал, что популярная песня «Я жил в такие времена» написана ослепшим после ранения воином, прекрасным поэтом из Краматорска Николаем Рыбалко?!

А ведь и он, и другие, живые и ушедшие, одинаково с нами проживают свою жизнь и в воспоминаниях её повторяют. Так делает каждый из нас, возвращаясь в минуты счастья. Нам же в этом возвращении поможет истинный поэт, ибо он это возвращение фиксирует строками, как 30 лет спустя по(и войны делает это Владимир Труханов:

... Нарисуйте меня:
я чубастый.
За мою спиною - Москва.
Нарисуйте,
коль сможете,
Счастье...

Каждое настоящее стихотворение - чаще исповедь. Перед жизнью, перед самим собой, перед Богом. Состояние исповеди позволяет Анне Фишелевой обращаться к Богу:

... Не бойся, Бог! Тебя я не покину
В твоей холодной яме голубой.

Входя в Его положение: «А то, что Ты бессилён - бог с Тобой».

Обобщающее понимание сущности Бога и веры слышится у Бориса Чичибабина:

Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Мук не приевший, вовек не спасётся.

(Кстати, многие ли черниговчане знают, что это - о лошадках Бориса и Глеба в местном храме, ставшем толчком к вдохновению поэта. О трагедии Святополка. О нашей истории. Знают ли кременчужане, эти слова и темы других стихов принадлежат их земляку? Или харьковчане, где много лет он работал... бухгалтером? Знают, но немногие. А жаль.).

Мы чаще стереотипно воспринимаем события, явления, усваиваем их оценки. Тому способствует школа, телевидение, пресса. О войне судим словами известных, как принято, авторов. Впрочем, это не самое худшее, плохо, что мы не спешим (простите, ленимся) прочитать и написанное другими. Прочитать, соприкоснуться душой с душами других. Неважно – патриоты они или диссиденты, ушедшие в мир иной или современники, зрелые или юные. Посмотрите, как вспоминает о встрече Великой Победы начштаба батальона Иван Рядченко в 1955 году:

... Не рокотали стайки Яков
над заплывавшею зарёй.
И кто-то пел,
и кто-то плакал,
и кто-то спал в земле сырой.
Вдруг тишь нахлынула сквозная.
И в полновластной тишине
спел соловей,
ещё не зная,
что он поёт не на войне.

Это высокая поэзия. Строчки эти можно исследовать литературоведам, сравнивать их с другими. Важно, что они всколыхнули Вашу душу, взволновали. Значит, Вы - тоже человек не чёрствый. А это для любой перспективы (и Вашей, и общества) далеко не последнее качество.

Настоящая поэзия *правдива*. Фальшь узнаётся моментально (в антологии её нет). Эта правда может ранить, вызывать досаду. Но она такая, как есть. И потому нужна. В подтверждение сказанного можно было бы переписать всю антологию. А можно сослаться на отдельные примеры. Вот как вспоминает о Великой Победе Марк Азов:

... Лётся песни хор хмельной,
Сотрясающий вагон,
Бьётся в кружке жестяной
Неподдельный самогон...
Всё забыто, шито-крыто,
Вся страна пьяным пьяна...
И поэзия убита,
И окончена война.

(Так и просится интервал перед последней строчкой).

Как мало стоят наши слёзы,
Когда на них глядит другой...
(Ольга Бондаренко из Харькова)

Если дереву больно,
Кто утешит его?

В городе, построенном автором из любимых стихов...

Здесь и сердце хранится, -
То, которым не лгу.
Гроза ударит и застонет,
В истоме стихнет, смолкнет и
Шепнёт, что жить на свете стоит,
Лишь умирая от любви...
(Марк Боянжу)

Перелейся, ровный свет,
Помоги строку заполнить...
Видеть, чувствовать,
запомнить,
А иного счастья - нет.
(Евдокия Ольшанская)

Мне Болдинская осень - мира ось,
А Бог мой - Пушкин!
Прочие - лишь гении,
...Как славно, что в Трамвайном управлении
Им всем, как мне, служить не довелось.
Марк Хабинский,
посвящая Б. Чичибабину

Хорошо, что, отец,
ты до наших времён не дожил,

- говорит теперь Юрий Моздолевский, моряк, своему отцу-ветерану войны на его могиле.

Правильный выбор
«Левой! Лишь левой!» - твердили вчера
Бескомпромиссные инструктора.
Нынче командуют: «Право руля!»
Эти же самые учителя...
Господи! Смилуйся и помоги
В правильном выборе нужной ноги!
Феликс Спиридонов.

Повторюсь ещё раз: антология такого содержания важна и потому, что обращает наше внимание на быстротечность времени, на необходимость ценить его. Ведь, читая проникновенные строчки того или иного поэта, видишь близость их через его чувства, через его аргументы. А потом с удивлением отмечаешь, - он ведь жил недавно, писал

недавно, по большому счёту, он твой современник даже по временному масштабу антологии.

Чем больше замыслов вначале,
Тем больше горечи в конце.

Михаил Тимофеевич Ковалевский, профессор Николаевского учебно-научного центра Одесского университета им. Мечникова.

Когда умру:
- Пусть мне дано немного,
Но моего не скажет за меня
Никто, включая гения и Бога.

Леонид Тёмин, проживший недолгую (50 лет) жизнь.

Он жил поэзией, чувствовал себя виноватым перед каждою своею строчкой, когда её хвалили или осуждал редактор. Потому, что

А всё не верится,
Что я.
Нет, что пишу...
Нет, что - стихи.

Потому, что у них - стихов - своя жизнь, имеющая родственные связи с автором, но они способные к независимости, к самостоятельности...

Лада Федоровская об этом же говорит иначе, откровеннее:

Я не пишу стихи - я думаю стихами.

Я не пишу стихи - я чувствую стихами.

Я не пишу стихи - стихами я живу.

Наше прошлое отзывается в настоящем, останется в будущем. Именно в поэзии эта связь прослеживается чётко.

...Дом присел на порог по-собачьи
И глядит непонятно куда.
Только ивы по-прежнему плачут
Над болотцем, что вместо пруда.
Проходя здесь, я шапку снимаю
И крещу всё вокруг наугад.
Что сказать в оправданье - не знаю.
Только чувствую, что виноват.

Так об усадьбе раскулаченного «до портков» деда пишет Евгений Зозуля. Чувство сопричастности и к великому, и к постыдному - отличительная черта настоящей поэзии.

Владимир Калиниченко, краткой перепиской с которым я был счастлив, об этом же говорит:

...Что ни год - и восходят мильоны цветов.
По цветку, по свече на раба...
И понятна без самых пронзительных слов
вся отечественная судьба.

Поэзия отражает действительность, учит, предупреждает.
О, как оно знакомо: «Я - народ!» -
Терпите, и найдётся «враг народа».
Какая уж тут к ближнему любовь,
Когда и самый дальний жаждет скальпа!..
А ведь асфальт не впитывает кровь...
Нам всем её... Вылизывать...
С асфальта.

Такое чувствовал черниговчанин Станислав Рыбалкин, автор единственного (посмертного) сборника.

Биографические справки об авторах были бы достаточной характеристикой судеб поэзии и века вообще. Их полезно читать. К примеру, доцент из Херсона Константин Владимиров, назван отцом в честь своего друга по Гражданской войне комполка Константина Рокоссовского. Вдумаемся: поэт из дворянского рода, его предок получал орден за Храбрость из рук Александра Суворова. Сам поэт - бывший руководитель комсомольцев Херсонщины.

Всё переплетено. Судьбы разные. Земля - одна.

В бесконечном повторенье / Очевидность постоянства, - обронил Владимир Гринчуков, продолжая:

Пусть нам будет месяц август
вроде Сиаса-на-Крови.
Нет у времени предела,
нет предела у пространства,
Как у жизни нет предела, -
нет предела у любви.

Сопричастность, ответственность за... всё. Так воспринимается почти всё, приведённое в антологии.

Пусть будет отчий дом уютен
и - добрым этот белый свет.
Иной у жизни нету сути
и цели, выше этой, нет.
(Елена Лаврентьева)

Трогательны её стихи о близком мне, о деревне:

Деревня города древнее.
Она живёт не торопясь.
Стоит прошедшее за нею,
с ней не утрачивая связь.

Деревня -
друг всему живому,
тому, что вырасти должно.

Каждый поэт, всматриваясь во время, смотрит и на себя в нём, как в зеркало. Так было и у В. Шекспира, и до него. Так остаётся и сейчас.

В этом нет безумной попытки остановить время. Есть понятное желание задержать себя в нём.

Илья Рейдерман - в этом смысле самокритичный оптимист:

Я в зеркало гляжу - лицо страдальца.
Как жаль себя! Мой друг, сложи три пальца
в известную фигуру. Дунь и плюнь!

Ах, лживы все на свете зеркала.
Рисуй автопортрет - в обнимку с Жизнью.

Владимир Кухалашвили был уверен в ином, хотя откуда он знал это, ведь писал ещё при жизни:

...Лишь душа твоя отражается
В занавешенных зеркалах.
Искреннее поэтическое слово всегда песенное.

В старой песне слова остаются те же, пусть даже звучат они теперь тебе, никому вроде не нужному, забытому, привыкшему к прежнему своему состоянию, когда, (помнишь?) тебя волновала эта мелодия. Не случайно популярны сейчас концерты в стиле «ретро», когда твои внуки с удивлением замечают: а... «предки»-то среди каких песен росли? Значит, было у них что-то такое, чего не стоит забывать.

Совсем юный, почти мой одноклассник Леонид Киселёв, судьба которого не позволила раскрыться его необычному таланту, отведя всего 22 года жизни, прозревает важным обобщением:

...Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что всё на свете - только песня
На украинском языке.

Пусть эту строфу берёт литературовед, философ, искусствовед..., необязательно штатный «патриот», а просто добросовестный исследователь, и он сам придёт к выводу, что в ней заключена истина. Истина, которую можно доказывать, аргументов найдётся достаточно, но поэт её п о ч у в с т в о в а л . И оказался прав.

Ценности жизни и её смысл - вечная поэтическая тема. Она раскрывается по-разному почти на каждой странице антологии.

...И стайка птиц взлетела
Эскадрильей.
Не бойся слёз и частых синяков,
А бойся тех,
Кто подрезает крылья, -

обращаясь к своему малышу, учит Людмила Дрыга.

...Мне ворон накаркал
На свете жить долго.

Согласен и меньше.
Лишь только б не зря.

Такое мнение Владимира Черепкова.

Особенность антологии - в том, что она соединяет творчество живших (и живущих) на Родине, и уехавших. Вчитываясь в строчки диссидентов, ищешь что-то особое, необычное. Нет, те же чувства, только раз за разом встречается ностальгическая нотка: родные места нас не узнают, а мы ведь те же.

У каждого из них своя судьба, свои причины не быть с нами. Но общее всё-таки есть. Закрадывается мысль: а может, они бы не уезжали, если бы чувствовали, что кому-то здесь нужны, если бы душу каждого из них было кому услышать.

Мы не должны быть разъединёнными, чёрствыми. В конце концов, в любом уголке земли человек (про жде всего!) должен быть услышан. Конечно, звучит банально, может быть. Но давайте спросим коп» то из сумчан, они читали в 90-м Аллу Липницкую, художницу и поэтессу, которая через 5 лет уехала, но раньше сказала:

Я ухожу! Мне стыдно! Столько свастик
Кругом свисает! Стыдно! Ухожу! -

признавшись заранее:

Я уступаю сразу и без боя!
Пусть даже по причине той, что
...Есть место на земле,
Где мир устроен страшно, безысходно.
Подчас мне кажется, что он - во мне...

Подчас мне кажется, что всё у нас в руках,
Но связанных с рожденья за спиною.

А ведь мир «у нас в руках», и спорить нечего.

Нам бы всем оторваться от лживости, двусмысленности в жизни, окунуться, например, в миры, открываемые в антологии. Да, они также дву-и-многосмысленны. Но это двусмысленности иного рода, позволяющие с разных сторон убедиться в таланте авторов и богатстве тех предметов, что этот талант помогали проявить.

Не моё призвание (да и жизни на это не хватит), чтобы по приоткрытым окошкам в творчество сотен и сотен поэтов, глубже познакомиться с ними. Думаю, это занятие для посвящённых. С него - этого занятия - можно было бы получить много полезного для воспитания человека, для *очеловечивания* нашего общества. Жаль, в государстве это пока никому не нужно.

...В узких улицах Львова
трамвайное бегство.
Но куда убежать
от лихого наследства?
От бесчинства поэзии,
жажды художеств,
что смиренную душу
лукаво тревожат?
(Евгения Гейхман)

На большом массиве произведений заметней отличие в поэзии женщин и мужчин. Нельзя сказать: она надрывней, выше... Она у женщин *прочувствованней*.

Мы встретимся с тобой когда-то
Поэту сторону печали.
Часы, что ложью отбренчали,
Нам назовут другие даты.
И я, грешившая безбожно,
Всех праведников став святее,
Руки коснуться не посмею.
А губ ведь можно?
Правда, можно?
(Елена Руни)

Не будет ошибкой сказать, что в антологии представлена только небольшая часть авторов, которые по замыслу составителей могли бы здесь находиться. Видимо, некий элемент случайности здесь присутствует, формируя определённые центры притяжения авторов: Чернигов, Харьков, Киев, Николаев, Луганск, Донецк.

Думаю, инициаторов антологии это не обидит, а только подтвердит оправданность их труда, доказывающего воочию безбрежность поэтического моря, русского поэтического моря в Украине, не мешающего морю украинскому. Многие авторы писали так, как им *диктовалось*.

... и спускаются птицами вечером
неизвестно откуда слова.
(Людмила Десятникова)

Антология свидетельствует: поэты разных лет близки своей болью за... всё. И даже понимая безобразия причин нашей действительности, они (и уезжая также) не ёрничают, не злорадствуют. Они переживают. Во всяком случае, судя по содержанию антологии

Как трудно верится в хорошее!
Какой мучительный процесс!
Неужто впрямь нужна горошина
Для опознания принцесс?
А вдруг кому-нибудь поверится,
Что есть улыбка просто так?
(Маргарита Мыслякова)

...Не собрать ведь авторов антологии пообщаться, переводя разговор на тему их ответственности за литературный процесс, его влияние на жизнь. Ответственность за всё, ведь она у них и как развита. Например, о судьбе отношений между Украиной и Россией говорит Александр Кабанов:

Лишённый глухоты и слепоты,
я шёпотом выращивал мосты –
меж двух отчизн, которым я не нужен.
Поэзия - ордынский мой ярлык,
мой колокол, мой вырванный язык;
на чьей земле я буду обнаружен?

В этом же смысле очень злободневно звучит «Исто - рик» Ильи Хоменко

...Как смело - мёртвую эпоху
Судить по старым письменам.
И, настоящее любя,
В нём тихо жить - в пустой надежде:
Чтоб не заметили тебя,
Чтоб не позвали заступиться
За бедных, слабых и нагих...
Забудь о будущем, историк.
Ну, что ты можешь изменить?

Так пишут наши молодые современники. Им больно. Значит, не всё потеряно.

...Во сне враги стреляют мимо,
а просыпаешься - болит.
(Марина Муляр)

Поэзия сложнее и страшнее,
Чем немота, настигнувшая нас
(Ирина Иванченко)

II раздел антологии открывает Петр Вайнберг, автор известного романа «Он был титулярный советник». Писал поэт 100 лет тому назад, но разве не современно сегодняшнему дню?

Есть речи - значенье
Нелепо, ничтожно,
Но им без досады
Внимать невозможно
Как полны их звуки
Лакейства и лести!
В них просьба о чине,
Моление о месте.

Нельзя преуменьшить значения антологии как средства возврата к корням нашей культуры, к родословной нашего народа. История наша противоречива и в сущности, и в оценках. Но связано это, прежде всего, с личностями. Народ богат, когда такие личности есть.

Род Врангелей тому примером. Мы, слыша эту фамилию, преимущественно вспоминаем барона Петра Врангеля - одного из вождей белого движения. Но мало кто знает, что этот давний род дал семь фельдмаршалов, семь адмиралов, более 30 генералов. Среди предков рода - полководец Ганнибал «арап Петра Великого», потомок которого Александр Пушкин, один из родников современной российской литературы, русского языка. Один из отпрысков рода, младший брат «черного барона» - виднейший литератор и искусствовед дореволюционной России. В подаренном мне уникальном издании «Истории русского искусства», выпущенном в начале прошлого столетия под редакцией И. Грабаря, встречаю в составе редакционной коллегии имя Николая Врангеля, признанного мэтра, которому только миновало 20 лет из отведённых судьбой 35-ти. Его огромный интеллект, тем не менее, не отделяет его от чувств представителей уже многих поколений, когда они читают его откровенное:

Я не могу понять любви,
Где нет страданья...

Ещё одна параллель с современностью. Демьян Бедный рассуждает о свиньях и философах:

«...Так, право, всё равно:
что бита, что не бита.
Не гнали б только от корыта!»
Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта!

Да будет басенка сия
Посвящена российским...
патриотам»!

Прошло столетие. Мало что изменилось бы в содержании написанного нашим земляком, если бы воспроизвели сейчас это стихотворение, направленное против черносотенцев, возможно, в переводе, заменив слово «российским» на «...присвячена вкраїнським «патріотам».

Особый интерес представляют стихи, написанные во время переломных событий. Идёт 1917 год. Но Дон Аминадо пишет о вечном - крупно.

...Один курган. Другой курган.
А в мире ночь. Седой туман.
Протяжный вой. Курганов цепь.
Метель. Пурга. Татары. Степь.

Или совсем детально, конкретно и, одновременно, трогательно в «Уездной сирени», где точно схвачено:

...Той свежестью набухшего зерна
И пыльною уездною сиренью,
Которой пахнет русская весна,
Приученная к позднему цветенью.

Впрочем, поэт не воспринимался современным в России, в Киеве 1918 года, как и не очень современен здесь сейчас. Причём, одной (хотя бы) строчкой.

...Где, - как Троцкий, как Урицкий, -
Не расстреливают зря,
Где верхом Богдан Хмельницкий
Волит прямо под царя.

И далее:

Безболезненно и быстро
Входит жизнь здесь в колею.
Был министр - и нет министра,
Глядь, уж с новым интервью.

Саркастичного, но совсем равнодушного автора, родом из Елисаветграда, не лишне было бы читать многим современникам в Украине.

...Что же бедное сердце грызёт
В эту осень тоскливую, хмурую?..
Ах, как ночь бесконечно ползёт

Надо мной, над землёй, над Петлюрою!..

Или:

«То ль дело - Киев!.. Что за край!
Валяются сами в рот галушки!..»
Поел галушек, - отдыхай
И слушай, как грохочут пушки, -

пишет в ноябре 1918 года автор. И он же не скрывает своей тоски через тридцать с лишком лет

Бабье лето

Утро. Пастушья жалейка.
Поздний и горький волчец.
Эх, если бы узкоколейка
Шла из Парижа в Елец...

А заключая парижский цикл, говорит масштабно:

В смысле дали мировой
Власть идей непобедима:
От Дахау до Нарыма
Пересадки никакой.

Важно, что в антологии сделаны деликатные акценты в сторону катализаторов поэтического творчества. Таков Владимир Нарбут. Пишет крупно, размашисто, ново и независимо, как ядро новой поэтической поросли и как пушечное ядро д е я т е л я .

Его «ушли», наверное, потому, что он был *настоящим, имеющим право* говорить так:

И в небе облако, и в сердце
грозою смотанный клубок.
Весь мир в тебе, в единоверце,
коммунистический пророк!

И по-другому:

...Знамёна кровью не горят,
И гаснет серп, и меркнет молот:
Идёт, кладёт за рядом ряд
Скелетов человеческих голод.

Как, впрочем, «ушли» многих, маленьким венком к их безвестным могилам служит и эта антология. Не ради этого, и ради.

...И конечно же, маленькая жемчужина антологии - ранняя «киевская» Анна Ахматова, писать о которой грешно. Её просто нужно читать в том состоянии, когда душа её исцелена Царём Небесным от любви «ледяным покоем нелюбви». Ясно, безуспешным исцелением.

Мы, чаще всего, недооцениваем благодати ходить по улицам города, с которым общались великие (или известные) предшественники, где искры общения с ними отражают до сих пор все памятные давние места.

Древний город будто вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял чёрный крест...
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.
(Анна Ахматова)

О том же говорит Александр Вертинский, спустя четверть столетия, возвратившийся на Родину

Я готов целовать твои улицы,
Прижиматься к твоим площадям.
А твои каштаны дремучие,
Паникадила Весны...

Или вспоминает эмигрант Владимир Корвин-Пиотровский:

Над Белой Церковью луна, -
И льётся лёгкая истома...

Адреса авторов антологии только подчёркивают в какое беспощадно сложное время жили они, будучи детьми парадоксального XX века. Сами они изредка задумывались об этой исключительности, потому что, кроме всего прочего, они жили, любили, страдали, творили...

Резкими штрихами поэтической кисти рисует в 1919 году эти особенности Илья Эренбург:

...Как была прекрасна в те годы
Жизнь...
...Умидали ярые рати,
Но солдаты узнали,
как могут пахнуть подснежники,
За час до атаки.
В те годы не было «до свиданья»,
Но только звонкое, короткое «прощай»,...
В ваших речах звенят ещё наши мятежи.
Мы далеко расплескали в ночь и в века, в века
Нашу угасшую жизнь.

А Юрий Терапиано, эстет, казалось бы, с противоположной стороны баррикады, скажет:

И когда-нибудь скажут:
«Их время напрасно пропало,
Их судьба обманула,
в изгнании спасения нет».
Да, конечно! Но всё же прекрасное
было начало –
Радость. Молодость. Вера.
И в сердце немеркнувший свет.

...Можно удивляться, можно осуждать, можно просто обратить внимание на то, что львиная часть антологии состоит из произведений эмигрантов. Стихи разные по художественному уровню, поскольку у них разные авторы: и чернорабочий князь

Николай Кудашев, и соседка семьи Ивана Бунина во Франции Галина Кузнецова, наследница древней семьи с литературными традициями Лидия Волынцева (она делает любопытное примечание к стихотворению «Ледяные узоры»: «В старой Руси барышни для вышивок пользовались узорами замёрзших окон»), преподавательница университета Екатерина Трауберг, юный кадет Михаил Залеский...

Людская плоть в родстве с листвою,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

Многие авторы пишут о... вечном. Вечной жизни, любви, красоте. Вечном времени. Вечном в преходящем, которым есть и они, и их переживания, и их творчество - вся их жизнь.

Как беззащитен, в общем, человек,
И как себя он, не считая, тратит...
- На мой не хватит или хватит век, -
Гадает он. Хоть знает, что не хватит.
(Анатолий Штейгер)

...Наш мир ничтожно мал. Ничтожен жизни срок...
(Владимир Ант)

...Дышала грудь её возвышенно,
Но, тем не менее, застенчиво.
И было на лице написано,
Что кто-то любит эту женщину.
(Марк Лисянский)

...Страшнее койки одиночных камер,
Когда в толпе годами одинок ...
(Владимир Эллис)

...Талант и творчество Льва Озерова настолько значительны, что ему бы пристала роль наставника. Возможно, так и было, не знаю. Но именно поэт такого уровня, доживший до наших взбалмошных лет, имел право писать: «Таланту надо помогать, бездарности пробьются сами». Или:

Сейчас рифмуют как угодно
И что угодно, потому
Стихи слоняются свободно
Из полусвета в полутьму.
Стих был в бою и на турнирах,
Сейчас же он повержен в прах,
Всё на клею и на шарнирах,
Всего же чаще на соплях.
Чего же ждать от стихотворца,
Когда он нищ, когда он нем,
Когда устал он от притворства
И старых схем, и модных тем.

Это стихотворение хочется цитировать целиком потому, что оно полностью отвечает состоянию литературного процесса в Украине, в стране, связью с которой автор всегда дорожил. Возможно, ключевым и в этом стихотворении есть слова «...устал он от притворства»..., разве что с поправкою относительно «устал». Наблюдая за спорами в писательской среде, за межсоюзными разборками (которые убивают литературу и доверие к ней), укрепляется впечатление, что притворство у нас безустанное.

В остальном Лев Озеров прав. Творчество писателя в Украине, пусть самого талантливого, если он не приспособленец, не притворщик, не востребовано. Не востребовано государством, властью, его представляющей, далёкой бесконечно и от народа, и от литературы, народу необходимой.

В антологии прослеживается интересная (заочная) переписка стихами поэта и художника Сергея Бонгарта с Иваном Елагиным. О ценности жизни, о призвании искусства, о Киеве и поэзии.

... Без комментария, читаем:

Бой был коротким.

А потом

глушили водку ледяную,

и выковыривал ножом

из-под ногтей я кровь чужую...

- писал 20-летний Семён Гудзенко, скончавшийся от ран через 11 лет, пророча это себе:

Мы не от старости умрём, -

От старых ран умрём.

В биографических справках - короткая биография интеллигенции страны. Страшная биография. Ведь одарённые, передававшие в своём творчестве ощущения того времени, были выразителями и общих настроений. Если бы этот огромный потенциал был использован во благо...

Формировался средний человек. Крайности отсекались. Беспощадно к интеллектуальной части общества. Это подтверждается судьбами многих.

Елена Корнибут-Дашкевич, дочь репрессированных, в 20-летнем возрасте получила 15-летний срок. Только в 1960 году, в 37-летнем возрасте, закончила (заочно) политехнический институт, стала доктором в области кибернетики, имеет международную известность.

Разве эта женщина должна была писать:

Нас пригнали этапом.

Зона странно молчала.

Тишина нас пугала, тишина угрожала,

И дыхание смерти не давало уснуть...

В 1960 Наум Коржавин написал «Вариации из Некрасова»

...Столетье промчалось. И снова, Как в тот незапамятный год, - Коня на скаку остановит, В горящую избу войдёт. Ей жить бы хотелось иначе, Носить драгоценный наряд... Но кони - всё скачут и скачут. А избы - горят и горят.

...Антология поможет читающим ныне и, особенно, позже нас, объяснить время, в котором жили и творили (и как творили!) люди. Это наши современники, уже этим можно гордиться. Валентина Синкевич, вспоминая о керосиновой лампе, сделала точный вывод:

... В магазине
на одной витрине,
в день прозрачно-синий,
на другой планете,
при дневном, при летнем свете
лампа ничего не сможет объяснить.

Антология - своеобразная лампа, которая, объяснив сегодня, поможет в другие времена переместить это объяснение, как эстафету.

Объяснить и любовь к Украине.

И никому мы не простим обид:
такое детство выпало седое!..
И никому не скажем, что - родней:
российское медлительное слово
иль эта, что стрекочет, как ручей,
поющая и плачущая мова...
(Татьяна Глушкова)

...Б. Пастернак, Н. Гумилёв, О. Мандельштам, М. Цветаева и др., бывавшие в Украине, сохранившие равнодушие к ней в разные периоды жизни. Возможно, и потому, что здесь они испытывали счастье любви.

Стихи о голоде в Украине («Старый Крым» Осипа Мандельштама), написанные в мае 1933 года, - крупный художественный мазок на картине трагедии, помогающим снять и нынешнюю, иногда надуманную, дискуссию об истине, её масштабе и последствиях

...Природа своего не узнаёт лица,
И тени страшные Украины, Кубани...
Как в туфлях войлочных
голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...

Возможно, стихотворение не окончено, «...не трогая кольца...», похоже, предполагалось продолжение, но как «в туфлях войлочных...» очень напоминает опухшие ноги.

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.
(Марина Цветаева)

...Цветенья веток без корней
Похоже на стихотворенья, Л
ишённых родины своей.
(Анатолий Величковский, Париж)

...Огородясь казармой и тюрьмой,

крестом антенны встав над курной хатой,
на нас взглянул жестокий век двадцатый.

Лев Гомолицкий, писавший, в основном, на польском, в стихотворении «Наше сегодня» так сказал об ушедшем веке. Если бы антология посвящалась исторической теме, оно годилось бы эпиграфом к ней.

Отпуская антологию в большую (верю в это!) жизнь, хочется сказать слова признательности всем: творившим поэзию, искорки которой собраны здесь; инициаторам, не пожалевшим своих усилий на святое дело; Юрию Каплану - за подвижничество. А всем читателям - за их равнодушие к поэтическому слову, к одному из узоров бесконечно богатой мозаики славянской культуры. Культуры, приросшей корнями к Украине.

Александр МОРОЗ